

Сергей Динамов
Падая легкою тьмой

*Текст предоставлен правообладателем
Падая легкою тьмой: Эдитус; Москва; 2015
ISBN 978–5–00058–246–6*

Аннотация

«Здесь описываются события, которые произошли не так давно. Кого-то из их участников уже нет с нами, им – вечная память. А ныне живущие пусть увидят, узнают себя со стороны, и очень хотелось бы, чтобы для них что-то приоткрылось, им – здоровья желаю. Не судите их строго, мир не черно-белый...»

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Динамов

Падая легкою тьмой

© Динамов С., 2015

© Издательство «Эдитус», 2015

* * *

Здесь описываются события, которые произошли не так давно. Кого-то из их участников уже нет с нами, им – вечная память. А ныне живущие пусть увидят, узнают себя со стороны, и очень хотелось бы, чтобы для них что-то приоткрылось, им – здоровья желаю. Не судите их строго, мир не черно-белый.

Главные действующие лица:

Евгений Сергеевич Чеканов (Сергеич) – начальник отдела Управления ФСБ по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом. В прошлом командир группы одного из оперативных подразделений КГБ.

Александр Александрович Степашин – сотрудник отдела Управления ФСБ по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом.

Дмитрий Васильевич Павлов (Митька) – персональный водитель – телохранитель председателя правления банка «Фортус» господина Кедрова Г. С. В прошлом гвардии рядовой, проходил службу в ОКСВА (Ограниченный контингент советских войск в Афганистане).

Александр Викторович Маркелов (Маркел) – завскладом вооружений и спецтехники учебного подразделения ФСБ Ш–15. В прошлом гвардии прапорщик, проходил службу в ОКСВА.

Вячеслав Михайлович (Друг) – президент корпорации «Новое время».

Лев Яковлевич – сотрудник аналитического центра одной из религиозных организаций.

Геннадий Юрьевич Подкопаев (Гена) – президент концерна «Бета». В прошлом кадровый офицер советской армии, участник событий во Вьетнаме, служил в Афганистане (начальник разведки парашютно – десантного полка).

Семен Георгиевич – начальник службы безопасности концерна «Бета». В прошлом кадровый офицер Советской армии, участник событий во Вьетнаме.

Валера – безработный. В прошлом старший сержант советской армии, проходил службу в Мозамбике.

Павел Петрович Зимин (Зима) – служащий аэропорта Сен – Дени (остров Реюньон). В прошлом гвардии рядовой, проходил службу в ОКСВА.

Тайну хранящий да утаит владение таковой...

Имена, названия, аббревиатуры в обиходе весьма отдаленной действительности планеты адаптированы к земным.

Часть первая

И довольно. За исключением некоторых горячительных пятен, северное полушарие Тусспренкомы¹ полюбовно вкатывалось в лето, а южное полушарие – из лета, соответственно, уже. Не минуло еще и пары властьпредержащих с того памятного этапа, когда окончательно трехнутый колдобинами общественного тракта Совет Семей Согласием Роднимых задумчиво изрек: «Не доедем». И обратил взор к посверкивающему рядышком автобану частному, на котором чуждая аэродинамика форм задорно укатывалась по всем направлениям. И даже УЧеСоНаЭпохального (умный, честный и совестливый нашей эпохи) окраса. И уже довольно давно. И отнюдь не в топи ГлуНеБесНаЭпохизма (глупый, нечестный, бессовестный нашей эпохи), предрекаемого всесемейно – историческими личностями, к которым, тем не менее, СовСемСогласный горемыка продолжал испытывать нескрываемые симпатии параллельно с: «Помириться?.. Заедят. Но, на худой – то конец, была – не была!»

Услышав стенания: «Хочу быть тоже глупым, нечестным, бессовестным, э – э – э... пох. истом», вражина сблагодарушничал. Поправил с честью, смахнул ядерный пот со лба, раскрыл портмоне и принялся увлеченно помогать, но преимущественно советами, недостатка в которых СовСем не испытывал. Из портмоне же купюры прихватил, чихая и дребезжа, перестроился на тракте по-правее (поближе) и, поплеывая на сторонних грамотеев, взял тайный курс да и съехал. На целину. Благо опыт освоения уголовного элемента в наличии. Опыт печальный, но тут-то, ядрена, и без очков видно. Зацеленил. По ухабам.

Вскоре из Роднимых получились дружки – гээсэмы. Нет, не горяче – смазочные материалы, а государства самородного менталитета. Но фундамент не серчает. Успешно приодевшись во вражий антураж, ведет активные прения по вопросу достижения ГлуНеБесНаЭпохальных рубежей. Но не в наторенном направлении вглубь, а со смещением аспектов прений к рулю, предоставив подрулевой сфере разумный консенсус по беспокоящему вопросу «быть или не быть?» или сохранения – уничтожения плодов УЧеСоНаЭпохального периода (как спренных², так и обретенных).

В сей тревожный момент на запад фундамента пала тьма, и уже воцарилось 3 июня 1995 года аж в третьем часу ночи. В стольном граде, неподалеку от ПолУЧеСоНаЭпохального проспекта, на третьем этаже кирпичного архитектурного недоразумения доэпохальных времен спал член задутного свежим ветром перемен, умодернизированного, обреформированного, с очередной вывеской, но по старинке: Коллектива Глобальной Бдительности. Сотрудник издерганных органов ГлоБдита ухайдокался не менее и посему видел не сны, а кошмары.

...Машина медленно движется назад. Руки, непослушные, скованные страхом, замирают. Едва ощутимый толчок колыхнул прядь светлых волос. Сзади, сквозь промозглую пелену тумана, сноп фар. Тень. Она пытается улыбнуться, но уголки губ дрожат. Открывает окно. Обнаженное бессилие рук в слякотной холодной серости. Тень хлестко бьет. Разум противится, не способен принять, не верует яви... Ее боль – резкой настойчивой трелью в душуще бессильной жалости.

Клеть света уличного фонаря. Телефон, надорвавшись, замолкает и через секунды, набрав сил, разражается вновь.

¹ Аббревиатура от «тихий ужас с претензией на коллективный маразм».

² От слов «переть», «воровать».

– Сергеич, снова «Симтекс» С#4. И взрыватель – радио – аналогичен манцевскому. Терехин уверен, что убиенный вез. Говорит, вероятная сработка из – за искрения на контакторах моторного вагона. Уже проверили – туда сесть угораздило.

– Где он?

– В первом меде. Заехать?

– Не надо. Пешком.

В трубке клацнуло, и сквозь гудки послышалось едва различимое старческое дыхание. Похвально. Слышим сквозь метровую стену, в три часа ночи, на восемьдесят седьмом году жизни, а завтра доложим по команде, участковому.

Холодный душ обжигает, сгоняя сонную вялость, но глаза не хотят открываться ни в какую.

Участковый стыдливо расскажет при встрече об очередном доносе частного надомного информатора, не зная, то ли смеяться, то ли хранить серьезность, но его завсегдашнее «примем меры» парадоксальным образом отразится на маразме. Последуют три – четыре дня мира и горячих ужинов для объекта слежки. Но тому суждено сбыться лишь с принятием мер, а пока остатки из каким – то образом опустевшего холодильника. Подрывают государство диверсанты – вредители. Никуда нам без продзапасов под кроватью.

Во дворе темно и тихо. Прохладная свежесть очищенного и напоенного дождем воздуха рождает настойчивое желание закурить. Идиотский рефлекс, на котором, вероятно, все и зиждется, существуя лишь в балансе – хорошее компенсируется плохим, чересчур чистое требует отравы и наоборот. Но отравы и без дыма хватает. Его «семерка» с грязными боками и ошметками грязи в салоне занозой в душе. Притулилась под окнами первого этажа, почти сливаясь с темной громадой стен. И это при белом – то окрасе. Срам!

Первая затяжка заставляет замедлить шаг, кружит, мутию ложится на сердце. Словно вырвало замок, в мысли плещет потоком вчерашнее – серые, с неестественно подломленными конечностями тела женщин, бесформенная масса – обрубок, огромная лужа, мертвое стекло глаз в спящей фотовспышке, вспоротый бок вагона. Запах. Кислый. Той, прежней жизни.

Ворота морга Первого медицинского института находятся с тыла, на полутемной улице Россолимо, и хранят молчание, наталкивая на аналогию с содержимым. Наконец, когда палец на кнопке звонка атрофировался окончательно, заглушка дыры глазка скрипит, изнутри раздается недовольный пьяный голос:

– Какого лешего надо?! Утром привозите.

Сергеич молча показывает в дыру удостоверение. Внезапный свет фар режет глаза, отражаясь в стеклоблоках стены морга. Рев мотора гонит умиротворенную тишину, визжат тормоза. Из темного чрева «Волги» – зевающая голова Степашина. Он неуклюже вылезает, еще раз шумно зевнув, тянется.

– Не пускают? Боятся. Давеча покойник санитар избил и скрылся. Теперь наряд стоит. Когда ж выспимся-то?

За воротами громынуло, и одна из створок отъехала со скрежетом. В проеме фигура в расстегнутом кителе, без фуражки.

– Проходите. Охота на ночь глядя к мертвякам? Ну и служба у вас, товарищ майор.

– Товарищи кончились, сержант. При товарищах ты бы в фуражке и застегнутый стоял.

– Эт верно. Теперь я элемент ценный. Кто в милицию ишачить пойдет? В ГАИ или в ОМОН. А в отделение – чудики типа меня. Да и то сваливать думаю. Квартиру получу – и привет.

Внутри морга тяжелый проформалиненный дух. Относительно чистая комната, древний угрюмый сейф в углу и его ровесник – черный кожаный диван. За столом санитар в заля-

панном халате и второй друг сердешный – старшина. Оба осоловелые. На столе странная пустота, а Степашин уже берет в оборот санитаря.

– Мужика с Тульской вези. Но сначала его личные вещи и опись. – Потом обратился к старшине: – Вы оформляли?

– Не – е – е. Мы по нулям заступили.

– Тогда звони дежурному. Пусть ищет и сюда. Только быстро.

Халат подает голос:

– Вот опись, а вещи в сейфе. У меня ключа нет. На вахте институтской.

Степашин орет на улицу: «Сержант!»

Неизвестный мужского пола, имел при себе: тридцать семь тысяч пятьсот рублей, цепочку из желтого металла, часы электронные импортные (неработающие), бумажник кожаный. Вероятной причиной появления всего этого в описи была халатность, а попросту говоря, копаться в грудке мяса ребята с труповозки желания не проявили. Здесь же, в морге, был наряд, и, составляя опись, сердешные постеснялись санитаря. Тот, в свою очередь, сер- дешных.

– Степашин, почему он не в районном морге?

– Трудноопознаваемый не криминал. Учреждение здесь научное, лицо по частям вос- станавливают. В случае запроса от ищущих родственников и за монету, естественно.

Бестеневая лампа в соседнем помещении чернит и без того черный мрамор столов. Резиновая клеенка непонятного, в желтизну, цвета горкой на чем – то, но никак не челове- ском теле. Сергеича интересует оставшееся содержимое карманов под клеенкой. Отпечат- ками, шрамами, зубами, наколками, одеждой и т. д. займется после перевозки в экспертизу; полный отчет при удачном стечении обстоятельств, чтобы протащить через компьютер, – не раньше вечера.

Степашин снимает пиджак, закатывает рукава рубашки.

– Перчатки-то есть? – длинно – тягуче сплевывает.

– Найдутся.

Все в запекшейся крови. Рубашка разорвана в лоскуты. Штаны под внутренностями. Ухватив за полуоторванную ногу, Степашин стряхивает все это с пояса. Рука скатывается и глухо стучается об пол. В переднем кармане штанов – два небольших ключа на кольцо, бороздка сложная. Все.

– Без документов. Зря я тебя разбудил, Сергеич.

На столе в дежурке весь улов – пустой бумажник, деньги в бурых пятнах, явно золотая цепь, часы. К этому прибавляются ключи.

– Дежурный смену не нашел. Дома, говорит, нету.

– Бог с ними. – Сергеич подписывает протокол изъятия. – Часа через три приедут за ним. Служите.

Скоротечна июньская ночь. Светает, и муторность настроения сглаживает ленивое щебетание птах в гуле ошалевших от свободы асфальта троллейбусов.

– Ну, ты домой, Сергеич?

Степашин остервенело топает по педали газа, стараясь оживить чихающее творение советской инженерной мысли.

– Нет, Саша. Поехали в контору досыпать.

Творение наконец – то ревет. Возмущенно.

Улицы пусты, поток свежести в окно. Чистит мозги от чехарды мыслей.

– Что думаешь, Сергеич?

Угомонился Степашин – сбросил темп, светофора послушался, вопросы странные задает. Умаялся. Две недели коту под хвост. Ни-че-го. Полный ноль. Может, теперь что- то вызреет? С#4, радиодетонатор – с большим допуском можно привязать к делу Манцева.

Вечером будет лицо убиенного хлопца и, может быть, что-то еще. Ключи – тысячная процента, но своеобразные... Вот и все, Саша. О чем мне еще думать? Что часа через три с меня шкуру будут спускать с истерическим ором? Что по стране импортный пластид уже пятилетку рвут? Ключи? Ну, чокнутый он. На сложных мини – замках съехал. Нет, надо выпастся. Осточертела вся эта убъективная³ реальность!

– Терехин в убиенном полностью уверен?

– Да. Вагон полупустой. Все сидели, и он тоже. Взрыв шел от живота. Со стороны или снизу – разбросало бы. Ноги бы улетели точно.

Словно не Ленинский проспект, а другой мир, в котором разумное научилось перемещаться несколько иным способом – ничего не сжигая, не отравляя и не уродуя. Спали бы и спали, дорогие сограждане. Утро разгорается. Солнце, притаившись за домами, скользит по крышам пока ласковыми, но уже яркими и мощными лучами, лукаво намекая на нещадное дневное пекло.

– Ладно. Занимаешься ключами. Терехину отдаешь загадочный БМВ, и пусть по бомбам дальше роет. Остальным еще раз осмотреть вагон и на свидетелей. У меня в десять ковер. Потом буду в НТО. В семь вечера собираемся. И побрейся, ради бога.

Дмитрий Васильевич

Москва, 03.06.1995, 08:55

Нет, дверь подъезда не распахивается. Дверь с силой бьют изнутри, и возникает проем, в котором ослепительное солнце сияет золотом оправы очков, переливается на ткани костюма и даже несколько скрадывает пятна ярости. Умело сдерживаемая, она обурекает председателя правления паевого коммерческого банка «Фортус» господина Кедрова Г. С., тридцати четырех лет, родом из отдаленной губернии, пролетарского происхождения, образование высшее.

Выпускник Российской государственной экономической академии (в ее нынешнем названии) благодаря своей интеллектуальной неординарности круто взмывает ввысь, буквально перепрыгивая целые пролеты служебной лестницы. Не хотелось бы вдаваться в подробности, в некую причинную связь, но некоторое дополнение внесет, по всей видимости, ясность в столь абстрактный образ блестящего и преуспевающего руководителя, придаст целостность и завершенность. С вашего позволения, ретроспективно воззрим на одну из лекционных аудиторий Московского финансово – хозяйственного института (в его нынешнем, академическом, названии). Там, на задних рядах и в самом верху, мы с умилением обнаружим нежнейшие проявления, ростки хрупкой советской семейной ячеечки. Выражались ростки в долгих томных взглядах Германа Кедрова (уже тогда известного своей несколько иной направленностью чувственного эго) на смущенно отвечающую на томность легким прикосновением пальчиков Зоеньку Воронову, элегантно покусывающую добротный «Паркер», привезенный недавно папой, товарищем Вороновым, главой филиала Российского национального банка, что расположился на берегу туманной Темзы в городе Лондоне. Отдавал все силы и умение столь ответственному и серьезному делу товарищ Воронов уже девятый год. И будет еще отдавать ой как долго.

Сей скромный нюанс послужил в дальнейшем определенным подспорьем в процессе преодоления как пролетарского происхождения, так и элементов подъемной конструкции, упомянутой выше, и внезапного появления у господина Кедрова Германа Станиславовича на одном из этапов жизненного пути неких особенностей в образе жизни, поведении, взгляде, голосе и походке – легких штрихов, характеризующих принадлежность к высшим эшелонам власти. Что, в свою очередь, позволило расстаться с Зоенькой, случившейся доче-

³ Игра слов «объективная» и «убийство».

рю Машенькой, переведя взаимоотношения с уважаемым тестем в ранг деловых, и уже предаваться на достигнутом уровне максимально широко, полно, и глубоко (простите за эту вольность) своим вышеозначенным любовным приоритетам.

Описание трансформации начальника отдела Верховного Совета РФ в главу банка приводить здесь, думается, не стоит. Отметим лишь появление быстрорастущей денежной массы, при достижении вызывающих беспокойство величин которой владелец сталкивается с необходимостью массу эту, скажем так, помыть.

Дмитрий Васильевич Павлов, персональный водитель – телохранитель господина Кедрова, при всех своих отрицательных качествах – неуч, загульный и лгун – был по натуре человеком ответственным, трудолюбивым и далеко не язвой. Но сегодняшнее утро в связи с событиями последних двух недель все-таки вынудило поставить «Шевроле Каприз» чуть в стороне от подъезда и, созерцая картину выхода господина Кедрова в свете солнечного утра, злорадно процедить сквозь зубы: «Козе – ел», испытывая при этом всю полноту эмоционального удовлетворения.

Герман Stanisлавович пристальным взором сквозь тонированное лобовое стекло пытается уловить хотя бы тень эмоций на лице Дмитрия Васильевича. Герман Stanisлавович следует к задней двери темно – синего монстра, усаживается и даже там, внутри, отдавшись комфорту, созданному американскими автомобилестроителями, все еще продолжает наблюдать через зеркало заднего вида, обронив лишь краткое: «В банк». Машина плавно трогается, уверенно лавирует между домами и наконец устремляется вдоль по Минской улице.

Кондиционированное и наполненное обязательным радио «Ностальжи» авточрево, перекалившись, раздражается вступительной частью обвинительной речи.

– Дмитрий, я не понимаю, что происходит?! Я заплатил вам огромные деньги, свел с очень надежным человеком! И что в результате?.. Моего друга уже нет в живых. Эта мерзость, этот предатель разгуливает как ни в чем не бывало. А у меня, вероятно, возникнет масса неприятностей...

Вслед за печально произнесенной последней фразой последовала пауза, в течение которой господин Кедров рассматривал проносящийся мимо ландшафт. Грусть излучалась в кондиционированно – наполненное. Дмитрий Васильевич же счел целесообразным не отвечать, ожидая основную часть обвинения. В душе закипало, стройные ряды мыслей несли яркие и красочные транспаранты с витиевато начертанными, даже из ряда вон какими нецензурными лозунгами.

Очень надежным человеком был не голубой, не синий, а аж сизый педрила. Толстозадый, с постоянно распахнутой подтекающей пастью и мутным, где – то на границе сна и яви, взглядом. Объяснять ему предназначение пластиковой взрывчатки и дистанционного взрывателя «Телефункен–43 GUW», показывать, куда – когда положить и какую пимпу предохранительную перед этим сдвинуть, Дмитрий Васильевич просто устал. И в то утро, словно предчувствуя, арендовал БМВ у соседа по гаражу, взял бинокль (от греха подальше), выбрал место в двух кварталах и стал ждать. Минут через двадцать, увидев вышедшего и поравнявшегося с бетонной урной господина Бутягина, Дмитрий Васильевич нажал на клавишу дистанционного подрывного устройства.

На господина Бутягина, изменившего (и с кем – с женщиной!), предавшего любовные страсти – мордасти господина Кедрова, Дмитрию Васильевичу было глубоко наплевать. Вся эта тусня вызвала у него задушевные порывы товарища Шарикова и удивление: «Господа, вы у истоков! Сие нефундаментально!» Популярное объяснение Герману Stanisлавовичу уже состоялось, но понесло тогда, раскипятился, а ведь всего вторую неделю с господином Кедровым работал. Шипящей злостью пояснил, что лучше его не касаться, а то завтра утром, за кольцевой, найдут перевернувшийся «Каприз» и два обугленных трупа – Германа

Станиславовича и, как установит следствие, Дмитрия Васильевича – такого же длинного и с его же вальтером ППК. На что Герман Станиславович отреагировал странным вопросом: «А паспорт?» Услышал в ответ: «И военный билет». После чего последовало ожидание перспективного увольнения и попытки Германа Станиславовича воплотить перспективу в реальность. Смущали господина Кедрова лишь последствия. Хотелось бы, конечно, все сделать тихо и спокойно, по-человечески – в лучших традициях верховных советчиков. Услали в командировку, успокоился, приехал – а место уже и занято. На страже взведенная безопасность, ни до кого не достучаться, не дозвониться. Да и зачем? Проконсультироваться господин Кедров хотел бы, естественно, с таким же государственным человеком. И оказия тут как тут. Начальник службы безопасности концерна – владельца банка – очень даже государственный, да к тому же непосредственный начальник подлеца.

В недавнем прошлом сотрудник КГБ СССР, полковник запаса Петрушин слегка ошалел на новой должности от обилия денежных знаков, сорвался, неправильно поставил похмелье, что привело к периодичности, а впоследствии и к постоянству запойного употребления одиозных напитков. Утренний звонок Германа Станиславовича застал полковника в огромном кресле начальственного кабинета в тихом, но Безбожном переулке, где глава безопасности досаживал последние дни в связи с увольнением по причине этих самых одиозных. Состояние полковника Петрушина в данный момент характеризовалось как апатия, абсолютная отрешенность от мира внешнего и сконцентрированность на мире внутреннем, где ну никак не хотела приживаться не выверенная десятилетиями доза прозрачной жидкости, а ее утренний вариант.

Продолжая чутко внимать информационным посылам нутра, полковник услышал незнакомый голос в трубке:

– Здравствуйте. Это Герман Станиславович. Хотел бы поговорить с вами о Павлове. Вы, надеюсь, поймете меня правильно. Это подлец, и от него необходимо избавиться. Что мы решим по этому вопросу?

Огромная масса слов. Строптивая непокорность в желудке. Трудности восприятия действительности в сочетании с неустойчивостью психики. И рождение выдоха ужаса:

– Седло вырву... тебе... Выезжаем...

Произнесенное абсолютно, казалось бы, беспочвенное, но столь явное покушение на тихое счастье Германа Станиславовича бросает в жар, заставляет медленно и аккуратно положить трубку, выстраивает в государственном разуме цепочку логических умозаключений, приводящую к неутешительному и пугающему: «Заодно!» Герман Станиславович срочно взводит охрану, вспоминает с ностальгической грустью уютный тихий кабинет в правом крыле Белого дома с видом на Москву – реку, учтивую покорность служащих и, мягко обратившись к селектору: «Татьяна Георгиевна, зайдите», устраивает ужасающий громом и молниями получасовой разнос, доводит до горячих слез в три ручья, на этом успокаивается, облегченно вздыхает и неспешно смешивает шесть частей тоника с одной джина, что-то тихо напевая.

Но. Вернемся в будущее.

...Дмитрий Васильевич нажимает клавишу дистанционника и... господин Бутягин приседает от неожиданности. Господин Бутягин шокирован видом клуба дыма, закрывающего подъезд дома напротив, звоном выбитых стекол и телами, распростертыми на асфальте.

Первым сообщил по телефону о жутком происшествии живой и здравствующий неверный после детального описания подробностей, охов и ахов, еще раз извинившись за развод и плохое поведение перед Герусей. Тот вымученно улыбался, голосом был весел и бодр, а завершив общение с милым, опорожнил сразу несколько бокалов, но все с теми же «один к шести». Держим марку!

Экран телевизора одиннадцатичасовым выпуском новостей усугубил ситуацию: чуть не ухлопали претендента на пост мэра господина Манцева; делу придана политическая окраска, к расследованию подключена ФСБ.

Сизый объявился в банке к полудню. Как постоянный и уважаемый был допущен к телу незамедлительно и шептал, захлебываясь слюной: «Герочка, он мне все неправильно объяснил. Он такой грубый. Фу».

В течение последовавших трех дней Дмитрий Васильевич имел, как говорят в Одессе, что послушать. Был хмур, сосредоточен и даже не огрызался, что не менее трогательно воздействовало на и без того взвинченную нервную систему господина Кедрова.

Затем наступил покой, исходившее с заднего сиденья тяжелое угрюмое молчание, пренебрежение ресторанами, ночными клубами и дальнобойными загородными гостями. Словом, депрессия. Лишь работа, работа, работа и конспиративная квартира в хрущобе у метро «Профсоюзная». Там Герман Станиславович отдавал себя (в поисках умиротворения и душевного баланса) рукам группы возлюбленных, часть которой поздним вечером просилась домой к женам, для чего и была приставлена к подъезду разъездная «Вольво» с неизменным Дмитрием Васильевичем – хранителем тайн двора (его? ее?) этого величества. Дмитрий Васильевич читал, пытался вздремнуть, бродил вокруг, приставая с предложением руки и сердца к девицам, с профессиональной быстротой реагировал на оживший динамик рации: «Завтра в 09:15. Вы свободны». И все чаще глядя на балконное окно четвертого этажа, прикидывал, убеждался, что получится, хотя и сложновато из – за хитросплетения рамы. В общем, купался в бредовой идее. Воображение рисовало полет ручной гранаты Ф–1 и впоследствии вылет стаи этих граждан с ха-а-а-рошим фейерверком.

Завершение депрессивного периода ознаменовалось пожеланием доброго утра день на десятый. Господин Кедров чисто выбрит, в новом костюме и буквально жаждет отмщения. Дмитрий Васильевич поразился столь настойчивому и упорному стремлению, попытался проанализировать, увлекся, повернул на красный на Университетский проспект, водворил через приоткрытое окно двадцать пять тысяч рублей в карман инспектора ГАИ, предпринял попытку взглянуть на происходящее с позиций Германа Станиславовича, сорвалось: «Тьфу, бл..!» Прослушал лекцию о несовместимости клубного пиджака и жлобских манер, выдержал паузу, необходимую для приведения Германа Станиславовича в уравновешенное состояние, и спросил:

– Сколько?

Поперхнулись сзади. И удивились.

– Я вам, Дмитрий, уже все оплатил.

– Отработано.

Воцарилось молчание, в процессе которого Дмитрий Васильевич подталкивал Германа Станиславовича в мыслях: «Давай-давай, колись. Банк видно. Сизого, может, попросишь? Колись, козел». На что Герман Станиславович также мысленно отвечал: «Нет, ну каков наглец! Нет. Простить я не могу!»

К мягко ткнувшемуся в бордюр «Капризу» уже бежал старший охраны, Славик, бывший конторский политработник. Улыбка обожания расцветала. Команды открывать не последовало, и полувековой Славик замер, пожирая взглядом Германа Станиславовича и продолжая цвести.

– Двадцать.

– Риск возрос.

– Двадцать пять.

– Пойдет. Вернусь часам к пяти.

– Не позже.

Покинутый Дмитрий Васильевич звонкой пеленой наполнил салон и, продолжая уничтожать посредством шевчуковской группы «ДДТ» остатки флюидов и амбре господина Кедрова, направился к МКАД (через центр добираться до вечера), а уже потом в район Пустышковского шоссе, где в лесу за глухим забором расположилось специализированное учебное заведение, на одной из спецкафедр которого преподавала его матушка и работал, с благословения матушки, бывший гвардии прапорщик Маркелов А. В., которому Дмитрий Васильевич лет этак тринадцать назад перетягивал артерию на свежеиспеченной культе.

По мере приближения Дмитрий Васильевич все отчетливее представлял себе тяжесть предстоящего. Как гвардии прапорщик Маркелов предложит к рассмотрению вопрос о при-скорбности возложенных на него обязанностей заведующего складом специальной техники и оборудования, столь насущных в деле освоения обучаемыми спецпредметов (сплошные спец). Затем, не отреагировав на обращение «спецгвардии прапорщик» и поблагодарив за визит, Дмитрию Васильевичу будет указано одно из направлений движения, куда он идти категорически откажется. Чуть погодя рассерженность гвардии прапорщика сменится издевкой и намеком на родное изделие УПДК–2Р, получившее при рождении имя «унифицированный портативный детонаторный комплект», радиус действия два километра, радиокоманда. Но в простецкую армейскую бытность Дмитрия Васильевича нареченный за портативность «усрешься, пока дотащишь, кореш, два раза». И окончательно поставит точку на перспективе обладания Дмитрием Васильевичем как пластида, так и телефонкена дежурным: «Не видать тебе, Митька, как собственных кишок. Но если будешь настаивать, то увидишь».

Вот примерно в таком радикалистском и пугающем виде все и происходило. Затем наступил перелом, прокачка мозгов: «Так частить нельзя», «Не милиция копает»; дальше чуть мягче: «Все расскажу Нине Владимировне» и «Чем мы рыбу глушить будем?». Но всему на свете когда – то наступает конец. Ведь наступает же когда – то? Дмитрий Васильевич обещает быть в 15:00 и, получив подзатыльник, отбывает.

Чему же суждено было случиться сегодня утром, произошло каким – то образом вчера вечером в метро. Упоенный обвинительной речью Герман Станиславович причину представлял весьма смутно, хотя руку приложил непосредственно. А дело было так. «Ты, Олеченька, этого жлоба не слушай. Оденься попроще. Вечерком на метро. Положишь в темноте. Кто в эту помойку на ночь глядя полезет? Покажи – ка, что там такое?» Пластмасска с мягким кубиком в черном полиэтилене впечатления не произвела. «Тю, несолидно как. А этот рычажок для чего? Правильно установлен?»

Сергеич

Москва, Ясенево, «Ковер», 03.06.1995, 10:25

– ...Ты три часа своими вопросами ставил в неловкое положение уважаемого гражданина, руководителя крупнейшей компании, одной из немногих не разворачивающих, а несущих блага для нашей страны! Как ты посмел? Невзирая на то, что тебе было указано прорабатывать версии, не касающиеся, я подчеркиваю, не касающиеся консультативной работы Манцева, ты плюешь на всех и вся, рассылаешь повестки уважаемым людям, будоражишь налоговую инспекцию, лезешь в банковские документы, требуешь санкции на прослушивание, установку спецоборудования! Ты что, Чеканов?! Ты кто?!

Это вчерашняя поездка в Барвиху выходила боком, вместе с версией «друзья Манцева».

Вышколенная прислуга проводила в кабинет к другу, пригласившему сразу же в зал, к черной пасти камина: «Там будет удобнее, по – домашнему». Мгновенно возник чай. И потекла пространная беседа, вернее, монолог, ведомый не Сергеичем, собиравшимся уделить общению максимум полчаса, а седовласым выходцем из бывшей номенклатурной знати.

– Что вас интересует, молодой человек? – прозвучало с мягкой улыбкой. Дальнейшее гибко переросло в размышления о судьбе страны, проблемах власти, становлении экономики, падении нравов, религии, вселенной. Почтенный вещал тихим, ровным, гипнотическим голосом, словно общаясь с самим собой. Беспрерывно. Ни о чем. И обо всем. Подводил Сергеича к аккуратной возможности вопрошать. И так же плавно уводил, косвенно чуть упрекая в попытке прервать нить стройного течения мысли. Время летело в неиссякаемой мудрости. Приглушенные телефонные звонки из сумрачных глубин усадьбы ни в коей мере не влияли на ход размышлений. «Беседа с вами доставила мне удовольствие, молодой человек». Раскланявшись в блаженном анабиозе, продолжая взирать на бесшумно закрывшуюся за атласным халатом дверь, Сергеич вдруг обнаружил рядом ожидающую прислугу. На выход, мсье...

Материл он себя на чем свет стоит, придерживаясь скорости шестьдесят километров в час, как того и требовали дорожные знаки Рублево – Успенского шоссе.

– ...И я не знаю, что мне скажут сегодня в Управлении. Не знаю. Это все из ряда вон. Все! А этот твой... как его... Степашин? Носится как леший небритый. Никого не замечает, с людьми не здоровается. Мне жалуются: «У Чеканова бардак». И вообще, любому терпению есть предел. Любому! Ты прими это к сведению. Чтобы мы больше к этому вопросу не возвращались.

– К какому именно?

– Я абстрактно выражаюсь. И надеюсь, ты понял. Не юродствуй!

Якименков откинулся в кресле. Снял очки и стал яростно тереть замшей стекла.

Сергеича несколько смутила феноменальная оперативность друга, но ни о каких санкциях, спецвестках он даже не заикался. И только в больном воображении могла возникнуть идея потормозить кого – то из компании, занимающей четыре этажа книжки на Новом Арбате со смехотворной арендой. С таким госшифером на крыше ни о каких разборках, дележе или рэкрете (упаси бог) и речи быть не могло. Любое, пусть тончайшее, беспокойство вызывало мгновенную ответную реакцию, но на порядок, несколько порядков выше. Сергеич прекрасно понимал это, сознательно шел по самому краю и не мог объяснить себе, где оступился, наблюдая в данный момент материализацию *этого*. Туманная перспектива последствий маячила в отдалении.

Бизнес – версию, а заодно и любовь Манцева развалила секретарша Людочка, опьяненная скорее жалостью, нежели бокалом шампанского в ресторане «Серебряный век». Она вывалила такую уйму чего знать не след о потерпевшем боссе, что Сергеич буквально бегом посетил отхожее место и, вернувшись, вновь нежными, едва уловимыми мановениями приоткрывал чуть сомкнувшиеся лепестки, дабы живительный нектар чувственного излияния любящего Людочкиного сердца вдохнула черствая японская пластмасса диктофона.

К другу же вчера приезжал корреспондент прохановской «Завтра», некто Березин. Сергеич даже взял напрокат у надомного информатора значок с Виссарионом и сменил номера «семерки».

Штаб Н – ского погранотряда

Таджикская ССР, 27.07.1982, 17:02

– Прошу внимания, товарищи офицеры. Группе подполковника Агашина на время проведения операции необходим повышенный уровень боевой готовности личного состава и усиленная охрана государственной границы на участках пятой и шестой застав, для чего вам также будут приданы резервные подразделения. Операция проводится на стыке участков. Подполковник ознакомит вас с деталями операции.

– По агентурным данным, в ночь с 28 на 29 июля будет предпринята попытка нарушения государственной границы СССР на охраняемом вами участке. Нарушители идут с гру-

зом из Пакистана. 24 июля пересекли афгано – пакистанскую границу в районе перевала Акжарда. Кому предназначается груз, время передачи – предстоит выяснить. Наблюдение, нейтрализацию и захват проводит моя группа. Ваша основная задача – после перехода границу закрыть. Задача осложнена режимом радиомолчания. До определенных пределов, разумеется. В эфире – нормальная жизнь границы, связь только проводная. Блокирование приграничного района обеспечивается. Впустить, товарищи, и не выпустить. У меня все. Вопросы?

– Капитан Лукьяненко, начальник пятой заставы. Сколько нарушителей, товарищ подполковник?

– Точными данными не располагаю. Ориентировочно десять – пятнадцать человек. Многочисленность объяснима ценностью груза. Вероятностью огневого контакта соответственно.

– Капитан Пономарев, замполит заставы. Вы имеете в виду, товарищ подполковник, возможность огневого контакта с нашими пограничниками?

– Имею в виду весь маршрут следования в целом. Согласно донесению, маршрут отработан, практикуется не впервые. Оптимальный численный состав диктует опыт.

– То есть вы хотите сказать...

– Да, капитан. Это не единичное нарушение и переход на вверенном вам под охрану участке границы Союза Советских Социалистических Республик.

Митька

Афганистан, в двенадцати километрах от границы СССР, 28.07.1982, 14:30

Маркел, не поворачиваясь, тычет калашом в нависающий над тропой выступ. Митька отползает. Пригнувшись, бежит за каменной грядой к уходящему ввысь, почти отвесному склону. Карабкается, цепляясь за трещины. Головной дух уже должен подходить. Если сразу полезет на обвал – увидит, и тогда Сорокин... Тогда всё к черту. Резина секунд тянется, тянется. Дух не любознательный, замер, осторожно высматривая. Митька ящерицей лезет дальше, вверх. Добравшись, впрессовывается в камни, тянет из – за спины трубу «мухи»⁴. Дыхание забито жарой и подъемом, но рот жадно хватает лишь печеное густое варево. Голова – звоном, тонким, дребезжащим.

Дальний поворот тропы как на ладони. Солнце жарит не с зенита, а чуть сзади, засвечивая духам. Горячая зеленая пластмасса жжет щеку. Снизу гортанный крик, но выстрелов нет. Еще двое не спеша подбегают. Говор, шипит рация. Значит, стоп. Митька непроизвольно проигрывает действие внизу: двое присели, один перебежками нюхает обвал. Чисто там, чисто. Зови. Резина времени, растянувшись, трещит на пределе. Пульс – ритмичной болью в ноющих висках. Шипение... Поворот оживает. Первый в магазинном лифчике⁵, с калашом. За ним совсем пацан, на шее палка РПГ без гранаты. Остальные понурим гуськом, за спиной серые небольшие мешки, М-16... Замыкающий. Не соврал Хаким. Восемь. Поворот от них уже метрах в тридцати. Митька жмет. Труба, ухнув болью по перепонкам, подбрасывает. Короткий высверк в основании стены у поворота мгновенно разрастается в облако дыма, пыли, летят камни. Гулкий грохот эхом в вершинах. Беспольную трубу в сторону. АКС. Жмет к стене от возможного камнепада. Треск пальбы сзади, бесноватый веер свинца шьет тропу. Передний валится, ухватившись за живот. Остальные со всех ног назад, но пути нет – пропасть. В прорези – серая спина. АКС коротко дергает. Вскинутые руки. Глаза ищут...

Уже некого. Все.

⁴ Гранатомет РПГ-26.

⁵ Лифчик (жарг). – здесь: жилет с грудными карманами для боепитания.

Кроссовка соскальзывает на спуске, когда остается метра два. Митька падает боком, ударив локоть и бедро. Боль рвет вымотанное тело. Выть охота. Мычит, поднимается, плетется к тропе.

Ермаков уже разложил пакеты на всех. Не снимая наушников, возится с кучей альпинистских прибабасов. Рядом моток жгута, какие – то лямки. Хаким с дико вытаращенными глазами остервенело кромсает труп духа в лифчике.

– Что застава, Ермаков? – У Маркела свои заботы.

– Молчит, товарищ прапорщик.

Маркел орет на таджикском Хакиму. Тот, не обращая внимания, машет тесаком. Брызги крови.

– Разбирайте добро. Не лезет – сухпай выбрасывать. Кто боезапас тронет – убью.

Идет к Хакиму, отбирает тесак. Хаким вытирает кровь с довольной гримасы, что-то тарабарит. Из – под рукава халата трое часов. Маркел бросает тесак к добру. Хаким ругается, жестикулирует, пнув ногой труп, неохотно идет набивать свою торбу.

– Этих всех вниз, к Аллаху. Павлов, возьми РПГ. Не копаться! Две минуты – и выходим.

– Молодого нашел, – недовольно ворчит Митька, спихивая мальчишку. Палка РПГ навидалась. Но панорамка – целая, с живой подсветкой и даже в чехле. Заботливый был пацан.

– Ну что там, Ермаков?

– Все нормально, товарищ прапорщик. Молчат погранцы.

– Так... Зимин, вперед. Сорокин, замыкаешь. Подобрались, подобрались. Не спать. Верх и под ногами пасти.

Шаг тяжелый, на горбу прибавилось, бедро отдается ноющей болью. Впереди – монотонный, осточертевший маятник спины Ермака с коробкой рации. Пот струится, режет глаза. Все в расплывчатой мути. Митька вяло мотает головой, стряхивая водопад с бровей: «Когда ж всему этому... Ведь всему же когда – то».

Жара душит, выедаёт остатки души, превращая в безвольный, но все же шагающий сгусток плоти. Белая топка на все небо, коснувшись вершин, нехотя отдает ущелье тени. В пышущем жаром раскаленных камней студне мгновенная смена красок. Монолит слепящей серости гаснет, незаметно набирает оттенки и, искажаясь в мареве, одевается мягкими играющими полутонами теней. Едва заметное обжигающее движение прокаленного воздуха в предчувствии еще далекой, но убийственной ночи переходит границу терпения, пытаясь сломать, дожать полуживой разум, давящийся теплой хлоркой из фляжек, вымученно бредущий и умоляющий свою госпожу с косой об одном – о прохладе.

«...Ваша РК–1753 от 20.07.1982. Докладываю выполнение. Разведпоиск проведен по трем из четырех указанных направлений. Данные обрабатываются и будут переданы незамедлительно. Считаю дальнейшее проведение поисково – спасательной операции нецелесообразным. Разведгруппа (командир гвардии прапорщик Маркелов) на радиоявки в основное и резервное время с момента выброски, 25 июля сего года, не выходила. В зоне наблюдается активизация действий бандформирований. Операция затруднена, имеются потери личного состава и боевой техники...»

Когда подошли к точке, начало смеркаться. Впереди лежало небольшое плато, сжатое отвесными склонами. Словно раструб, оно упиралось в пропасть. Далеко внизу шумел Пяндж, а с другого берега подступали две скалы – близняшки с совершенно гладкими боками.

Лежали, смотрели, и не верилось. Там – Союз. Хаким без умолку тараторил, что горы здесь молодые, пещер и террас нет, а сверху ущелье «смотреть – не видно», если дальше не лезть. С той стороны «пограничник ходит низ; вертолет боится, летай высоко верх.

Пограничник бинокль ночь смотреть нету – батарейка тяжелый. Только вышка бинокль есть, вышка далеко – очень хорошо. А Хаким бинокль есть; Хаким дарил большой бай, сказал, что Хаким молодец и Хаким ночь смотреть надо. Эти там скала пограничник не лазит, очень трудный скала, а таджик хитрый, таджик скала знает. А Маркелов злой стал – не дал плохой человек резать много, Маркелов давно – давно хороший был...» В общем, Аллах акбар. Но Митька уже не слушал, он отъезжал под шумок обвальных сумерек, уgomонивших адреналин.

Четырехдневная усталость постепенно увлекает с призрачной границы яви в крошечную бездну тьмы, лишает видений, обездвиживает, заставляет поручить тело рефлексам, и, отринув преграды, захлебываясь, мозг жадно впитывает неведомый разуму живительный источник, бьющий где – то там, в набирающем черноту бархате, безлунном, усеянном миллиардами точечных ледяных глаз, безразлично взирающих сквозь пьянящий, тонкий аромат горного воздуха.

И немного о рефлексах. Для зверя постоянное ощущение опасности, сиюминутная готовность как к обороне, так и к нападению жизненно необходимы. Выработанный в связи с этим рефлекс из поколения в поколение передается на дискете генной памяти, оттачивается и совершенствуется в процессе эволюции. Человеческий мозг, его нервная система, ощущающие, осязающие, обоняющие и видящие войну с помощью различного рода нервных рецепторов, развивают в человеке аналогичный звериный рефлекс. Некоторое отличие, ускоряющее процесс становления, заключается в том, что человек наделен высшим разумом, который, в свою очередь, еще и думает о войне, оценивает, анализирует и, как это ни прискорбно, уродует. Понятие «озверел», таким образом, вполне околонуочно обосновано, и Митька, согласно вышеизложенному, проснулся сразу.

Контур толкающего в бок Сорокина посреди обалделой кучи звезд. Вокруг зябкая крошечная темень и сипение.

– Димон, время.

– Куда хоть идти – то? Ни хрена не видно.

– Тихо ты, не ори. Вон там, видишь, седловина темнеет? Далеко, на той стороне. Левая вершина пониже, а правая как стол. Видишь, между ними?

– Ну.

– Вот прям туда и топай. Метров через сорок придешь. Там Маркел с Хакимом.

– Чего раньше не разбудил? Теперь искать – шею свернешь. Зараза...

– Маркел сказал не будить. Ты длинный. Если с тропы кто сунется – споткнется, а мы с Зимой тут как тут.

– Я, бл... посмеюсь. Салабона нашли.

– Да ладно, не заводись. Как выпитися, так начинается.

– А где РПГ?

– Бандура и все добро там. Ермак тоже. Не наступи – наушники вместе с ушами отвалятся. А я ща Павлуху разбужу – и спать. ГЛАЗА уже липнут.

Минуты черепашого шага – и ворчание реки начинает резко нарастать. Обрыв рядом. Митька пригибается, пытаясь хоть как-то определиться на фоне ночного неба.

– Павлов. – Маркел стелет ладонью звук. Митька, неосторожно шагнув, спотыкается, чуть не падает. Скрежет зубов Маркела не слышен, но ощутим. От могучего Пянджа, скрытого тьмой, веет холодом.

Маркел заезжает кулаком и попадает в АКС. Долго, беззвучно ругается на фоне посапывания Ермака и бесконечного словесного поноса Хакима.

– Зачем так, Маркелов? Солдат служит, ты – зарплата имеешь. Нехорошо. Ты когда маленький был, я помню, отец ругает – ты плакать. Прими Аллах его душа.

– Ты чего несешь, старый? Он живой, на пенсии, огород на даче копает.

– Нет, Маркелов. Вы когда Север приехал, твой отец сразу большой человек стал. Все в город уважал. Ты школа учился, тебя учитель тоже уважал. Зачем отец ехал Москва? Маленький город – большой человек. Большой город – нет человек. Пропал твой отец Москва. Телевизор не показывает – совсем пропал.

– Уймись, Хаким. В министерство его перевели. Дай лучше бойцу инфру⁶. Глаза совсем потеряешь. Павлов, забери у него.

– Мой зрений тебе не видно, Маркелов. Правый скала верх смотри, солдат. Как засветит, скажешь. Голова поднимай – плохо.

Внезапный день, но все преобразилось. Одни лишь оттенки сочной зелени. Густота холода реки с тусклой полоской берега. Дрожь умирающего тепла в четких светлых контурах гор теряется в иссиня – черной пустоте неба. Инфра – не звездглаз. Как в кино.

Митька с отвисшей челюстью и убаюкивающий монотонный шепот:

– Мне плохой человек обижал. Я гора водил, он деньга мало давал. Я тебя, Маркелов, звал. Долго звал. Ты совсем забыл старый Хаким.

– Не платил – ну и плюнул бы. Капусты, небось, арбы три уже наколотил. Куда тебе больше?

– Мне бай просит. Хороший человек бай. Университет твоя Москва учился. Заграница много ездит. Добрый.

– Так а чего ж твой бай не заступится?

– Занят очень бай. Белый золот много думай бай.

– О хлопке, что ли? На кой он ему?

– Хлопке твой красный думай! Бай белый золот думай. Раньше нет, а теперь много людей на Земле хотят. Бай должен всем дать. Не будет белый золот – большие люди злой будет. Большие люди очень много белый золот надо.

– Да зачем им наркота – то? Оружие, нефть – это я понимаю.

– Оружий, бай говорит, большой. Белый золот маленький. Твой калашник – чуть-чуть белый золот. Ты школа учился. Считай. Сто калашник – два маленький горсть белый золот. Большой люди умный. Белый золот почему много деньга? Белый золот нельзя. Большой нельзя – большой деньга. Очень – очень большой люди умный. Большой люди много – много деньга. Большой люди скажут большой бай: «Делай!» Бай делай. Бай плохо делай – большой люди другой бай делай. Скоро белый золот – вся земля, а земля не знай.

– Ну, ты и завернул, старый.

– Вся земля думай: алмаз, золот, нефть, калашник – большой деньга. А это только большой бай деньга. А большой бай стал, потому что большой люди его сделал.

– А на кой же леший тогда политика, коммунизм, капитализм? Да вообще всё?

– Бай говорит, что раньше белый золот мало был. Много война – это большой деньга был. Большой люди разделил большой бай. Большой бай делай война. Теперь большой люди сказал, что хватит война, белый золот хорошо. Миру мир, красный говорит. Война очень плохо даже большой люди может быть. Но война белый золот сразу не пускает. Время надо, бай говорит. Война меньше – меньше – белый золот больше. Скоро совсем война конец.

– Хаким, а что это за большой...

Митька не успел договорить, потому что увидел на вертикальном боку скалы яркий треугольник. Опускает инфру – ничего. Снова смотрит.

– Товарищ прапорщик, вроде сигнал.

⁶ Инфра (жарг). – здесь: прибор ночного видения, позволяющий видеть тепловое излучение предметов.

Хаким выхватывает у Митьки бинокль.

Старлей Женья Чеканов (Сергеич)

Таджикская ССР, в двадцати метрах от советско – афганской границы, в ночь с 27.07.1982 на 28.07.1982

– ...Пилот аж синий сидит. У меня инструкция! Здесь снижение запрещено! Агаша за пушку – хватать!

– Хватать – то хватать, а сидим все внизу. Одна никишинская тройка на уровне. Координатор, блин. У Никишина жена со дня на день рождает, ему сейчас только о грузовиках и думать.

– А чего не сказал – то, Женья? Ты у нас офицер бойцовый, вон как в гору прешь. Двадцать четыре разменял, а уже нами, стариками, командуешь. Такими темпами и председателем колхоза стать можно. Тебе бы еще лапу хорошую, волосатенную.

– В Москве сказал бы. А тут... Только воздух трясти. Мясо уже в агашинских зубах, шерсть дыбом, попробуй вякни. Да и чутье у него – дай бог. Может, и прав. Но закавыка есть. Ночи безлунные выбирают, КСП⁷ нет, систему не развернуть – с этим согласен. Но четыре секрета на участке. Уже год как с инфракрасной техникой сидят. Дозор с барбосом. Река. Снесет метров на пятьдесят – семьдесят. Ну, раз грузовой, два. Но не постоянно же, да еще и чуть ли не взвод. Какие бы олухи ни сторожили, какие бы навороченные ни лезли. Должны, просто обязаны были вляпаться.

– Да, профессор, голова отвалилась вместе с больным зубом.

– Тебе, Миша, все бы дурачиться. Спал бы лучше. Лаптев, наверно, весь ПББС⁸ слюной залил. Присоединяйся.

– Ты, Женья, все очень близко к сердцу принимаешь. Покоя себе не находишь. Всюду лезешь, все тебе интересно, обо всем узнать хочется. Да охолони ты, ради Бога. Пусть у Агашина голова болит. Наше – то дело маленькое. Перевалим мы этих грузовых вместе со встречей. Кто – то, глядишь, не щелкнет. Вылечат его и растрясут в конторе по полной программе. Вот и все. Чего себе голову забивать? Ты уже свой свинец имеешь и никак успокоиться не можешь.

– Тут ты, Миша, конечно, прав. Успокоился – и дырявь мясо под шум винтов. Сеть грузовая? Да и шут с ней. Я свое дело сделал. Вот вам жмуров вагон. А с этих жмуров сколько страсти можно было бы? Чтобы в следующий раз мы с тобой знали точно, где, когда и сколько. Чтобы такие ночи, как эта, к минимуму свести. На звук на охоте палить запрещено – не мне тебя учить. А у нас сегодня так и получится. Ни хрена ж неизвестно. Ты б видел, что эта агентура насообщала. Агентурное донесение! Сидит в торгпредстве шарага, как ты говоришь, волосатенная. И из затрапезной прессы секретную информують рожают. А один, лысый, пашет как проклятый. И он же, бедолага, всегда и во всем виноват. Кого-то обхаживать, покупать, где – то у черта на рогах тайник снимать. Вот тебе и прокол. Новый бедолага приезжает – и все сначала. Бардак же сплошной, во всем и везде.

– Сдаюсь... Прохладно, однако. И темени навалило. Пора запускать чудо голландской оптики. Сам – то, может, поспишь? Шестой час сидим.

– Потом отосплюсь. Миша, верх сектора тоже захватывай. Не нравится мне эта канитель что-то.

– Да ты чего? Что они, призраки? По воздуху перелетят? Тут сто метров с гаком.

– Это, Миша, приказ. А приказы мы с тобой обсуждать не будем. Наобсуждались уже.

⁷ Контрольно – следовая полоса.

⁸ Прибор для бесшумной беспламенной стрельбы.

Невесомая мантия ночи плавно опускается на горы, нежным прикосновением скользит по черствой, жаром напоенной обнаженности камня, в забвении распахнувшего объятия и внимающего ласковой сладострастной неге, жертвуя частицами переполнившего дневного тепла. Ночь принимает, в лукавой немощи своей безропотно преклоняясь перед дарующим. Не разумея, сильный камень полон решимости согреть, защитить небесную божественность. Слабые же, юные побеги смущенного благодарения неспешно всходят мольбой, в которой зреет легкая настойчивость, едва уловимая, вдруг довлеет – и вот уже пышным цветом полыхает буйная алчущая жадность. В последней жертвенной оторопи ускользает душа – камень мертв, но обуявшее безрассудство не позволило осознать похотливой ненасытности очаровательного дитя тьмы. Гениальной мудрости столь нежного и беззащитного создания постичь ему не дано.

Горы холодной сыростью реки лезут под комбез, и старший лейтенант Чеканов Е. С., совершенно позабывший о жадности ночи, в который уже раз вспоминает товарища Бисмарка, ясно и доходчиво нарекшего индивидуума, не внимающего ошибкам других индивидуумов.

Митька

Афганистан, Афгано – Советская граница, 29.07.1982, 02:40

– Смотри, солдат. Где треугольник – там лететь будет. Работа, Маркелов.

Сзади приглушенная возня, Хаким чертыхается.

– Надо было сразу включать, Маркелов. Долго греться.

– Подождут твои умные.

Треугольный свет исчез. Секунды. Ни звука, лишь далекий рокот реки. Внезапность полета яркой точки. На зеленоватой черноте – едва различимая полоска хвоста. Перечеркнув тьму, точка падает где – то за спиной. Хвост – вот он, рядом, связывает с той стороной. Намутили, чуреки!

Запахавшийся Хаким шипит в ухо:

– Где веревка, солдат?

– Держу.

– Не пускай, уходи глубь, тяни сильно. К Маркелов.

Митька находит инфрой Маркела, сияющего руками и лицом. Рядом небольшие, абсолютно черные мешки. Идет. В руке – гибкая и невесомая прочность.

– Товарищ прапорщик.

Маркел перехватывает, лезет на камни, продевает сквозь замурованное в нише кольцо.

– Давай мешок.

Тихо клацает подвесной механизм, мешок бесшумно скользит на ту сторону под собственным весом.

– Пятнадцать секунд, Маркелов. Другой потом.

– Да помню я, старый. Павлов, буди Ермакова, пусть эфир пасет, и сам наблюдай. К краю не суйтесь.

Черное на черном. Невидимое, стремительно несущееся мелькает на тепловом фоне скал той стороны и пропадает, растворяется в монолите.

– Уехали, Хаким.

– Теперь трогай веревка. Как слабнет – тяни быстро – быстро. Деньга нам на газе летит, Маркелов.

– И охота тебе, старый, по горам с купюрами таскаться?

– Здесь работа – деньга от плохой человек был. Дома тоже деньга. От хороший.

Старлей

Таджикская ССР, 29.07.1982, 02:10

Глухо. Уставные положения давно отлетели в тартарары. Легкое присвистывание капитана Лаптева, доносящееся из глубины длинного и узкого каменного пенала, тает в предпосылках храпа капитана Полянского. Реакция горного ботинка старшего лейтенанта Чеканова – и вновь доминирует присвистывание. Подполковник Агашин недвусмысленно выразил на инструктаже свое отношение к имеющему место быть: «У кого люди спать будут – зубы напильником сточу». Игнорируя перспективы двадцати девяти оставшихся, плотно сжатых в связи с температурными казусами среды обитания, возлагая на обувь неусыпную заботу о тихом сне произведения писателя Каверина, командир тройки погружен в тщательное визуальное прощупывание ночи.

Безнадега и холод постепенно одолевают. И вот уже общественный БК⁹ свален в кучу. Брезентовые под сумки и чехлы размещены под комбезом, а еще – восемь килограммов чехословацкого бронежилета сверху. Тепло, выкраденное у жестких инструкций и наставлений, играет злую шутку. Клонит в сон. Старлей сдерживает дыхание и доводит себя до околообморочного состояния. Вырванная из сладкого омута плоть болью напоминает о насущном, нервно взбрыкивает и очумело хватает воздух под удары безумствующей крови. Насытившись и воспрянув, в долгу не остается – указывает на пониженное содержание никотина. Вдосталь поиздевавшись, старается улизнуть вновь. Старлей обращается к логике в походе за пониманием. Хорошо, сейчас будем мерзнуть, если...

Всплеск света... Мимолетный... В самом верху. Слева. Почти у среза, переходящего в пологий подъем. Сон исчез. Комок мышц и глаза хищника в хитросплетении команд натасканной программы «Зверь». Дрогнувшее время разворачивает спираль...

И вновь медленное, аккуратное просеивание уже знакомых очертаний камня. Но тянет, ох, как тянет туда.

Мелькнуло, перечеркнув бездну, минут через семь – восемь. Пауза в уставшей бороться с собой голове. И гром: «Какой, на хрен, метеор в инфре?!» С силой, каблук в ребра. Сонный шепот: «Что?»

– Связь с Никишиным. Быстро. Верх сестер и напротив. Лаптева толкни.

Зевающий и злой Полянский громыкает трубкой телефона секрета.

– Дежурный, дай ноль первого... Первый, четвертый на трубе. Посмотри там сестер и напротив. Наш комдив чего – то углядел... Нет. Наверху, говорит... Леший его знает... Да птица, небось... В шесть, в шесть на покой... Голос – то какой бодрый... Сам иди... Ага, ну бывай.

Глухие тычки в мягкое и елейный полусшепот.

– Доброе утро, Петр Григорьевич. Как спалось на новом месте?

– Вы что, съехали? Три часа ночи. Спят все.

– Да вот енерал – полковник изволють побеспокоить – с. Ловят – с коварных джигитов, орден очередной примеря...

Знакомое удаляющееся шипение из ночи. О каменный свод гулко стучает шлем – сфера Полянского. Старлей рвет липучки жилета, вытряхивает содержимое из – за пазухи и шиворот. Лаптев мечется, рычит: «Где, ядрена мать, БК?!»

– Петя, собери все. Выход, Полянский!

Хлопок. Слепящая белизна парашютной люстры заливает ночь, проникая сквозь экранную сетку секрета.

– Насрут. – Лаптев бросается к куче сваленного боезапаса.

⁹ Боекомплект.

Виснет еще одна люстра. Лишь шум воды. Небольшой парящий шар рывками невидимой связи быстро движется к расщелине далеко вверх, между вершинами на той стороне. В наушнике компактного хрипит Агашин.

– Борт – десятке. Борт – десятке. Срочно на береговую точку. Примешь тройки. Третья, четвертая, пятая на борт. Работаете «Гость». Остальным блокировать квадрат «Сёстры». Остальным блок, квадрат «Сёстры». На приеме.

В адреналиновом поту, неотрывно глядя на плывущую в вышине сферу, старлей подтвердился:

– Я ноль четвертый. «Гостя» принял.

Митька

Афганистан, 29.07.1982, 02:43

Внезапный глухой визг. Ввысь уходит слепая. Плафон, зараза. Шлепок вываливает ярчайший день. Испуганные глаза на очумело мотающейся голове Ермака. Митька срывает с него наушники:

– В нору! Живо!

Вскакивают. В глазах резь. РПГ за спину, калаш. Ноги сами несут.

Маркел продолжает тянуть шар. Еще немного. Хаким прыгает, широко распахивая ножом оболочку. Выдох газа. Путаясь в ткани, достает тугой сверток. Вдвоем бегут к сваленным в глубине эрдэ¹⁰.

Спасительная тень.

– Фонари достали, не до жмуток. Голова – Сорокин. Я замыкаю. Подсветите, – раскрывает планшет с картой. – На отход. Так. Километр по ущелью. Вот сюда. Потом забираем вверх – вправо, к перевалу, и ночуем. Вот здесь. С рассветом через перевал – и на каштаринский блокпост. Молите Бога, чтоб духов не принесло. Зеленые¹¹ глубоко не полезут – заграница.

– Товпрапщик, а если уржанцев подорвут?

– Те Пак¹² перекроют. А мы – то к своим. Усек? Все, выход. Светить по необходимости. Сорокин, бегом. Бегом, мать твою!

В наполненной тяжелым дыханием тишине – отголоски далекого молотящего воздух вертолета.

– Что – то быстро... Ты где сойдешь, Хаким?

– Ночь с вами. Потом, – хмуро сказал, задумчиво.

– Лады.

Три – вдох, два – выдох. Мотающееся впереди пятно фонаря выхватывает изгибы тропы, стиснутой камнем. Бежит пока легко. Темп, темп, темп. Три – два. РПГ наконец примостился, зажатый в руке за спиной. Вертушки уже не слышно. Хоть бы проехало, маманя. Три – два. Темп. Минуты до поворота. Начинаются глыбы. Вверх – вниз. Три – два. Темп, темп. Хаким бы не помер. Забился бы лучше куда-нибудь. Знает же округу как свои пять. Три – два. Темп. Тут четыре километра и мост. Умные таджики и перебросили бы... Вертуха, как ждала. Темп. Вдох – выдох.

Внезапные, приглушенные расстоянием выстрелы от реки. Взрыв, все стихло.

Три – два. Кончились умные. Темп, темп. Холод где – то под сердцем. Это не зеленые. Нервный смешок.

¹⁰ РД – рюкзак десантника.

¹¹ Зеленые (*жарг*). – здесь: пограничники.

¹² Сокращение от «Пакистан».

– Прибавь, прибавь, Сорокин!

Темп, темп. Три – два. Три – два. Вдох – выдох. Чуешь, Маркел? Очередь подошла?

Маркел не чуял. Уже был уверен. Плафоны. Спокойная перегруппировка, подарив возможность оторваться. Вертушка в минуты. И вот теперь быстрая выверенная сработка умных. Все сводилось к ждали – готовились, а значит, не упустят.

Собранность и внимание. Видишь – доложи. Слышишь – запомни. Думай, прежде чем действовать. Маркел бежал и думал, а с полгода назад начальник разведки полка гвардии майор Подкопаев Геннадий Юрьевич оставил разведrote свое motto¹³, позаимствованное у рейнджеров супостата (по слухам, где – то во вьетнамских джунглях), и уехал в Союз, к новому месту службы, под облегченные вздохи как штабных звезд, так и повыше.

В свои тридцать шесть лет товарищ гвардии майор (или, за глаза, Рейнджер) поорать любил, невзирая. Мог себе позволить, потому как прикрыт папиной лапой был до самых каблуков. С его назначением роту затрясло (Маркел аж сдуру бросил курить), но досталось и полку. Замповор¹⁴ скрипел зубами, выбрасывая добро в белый свет, как в копеечку. А замполит совместно с особистом писали и писали о пропаганде идей вероятного противника, чем Рейнджер увлекался не только на штабных совещаниях, но и в форме наглядной агитации. Знание содержания одного из плакатов Маркел запомнил наизусть, и не от хорошей жизни – Рейнджер приказал вызубрить. А именно: «Разведка существует не для охоты за призраками. Мы обязаны изыскивать собственные идеи и решения, как и в каком направлении работает тактическая и стратегическая мысль противника. Исходя из этого, имея отправную базу, необходимо систематизировать использование разведгрупп так, чтобы каждая разведоперация была непосредственно связана и вытекала из предыдущей. Лишь при понимании и представлении о логике и задачах противника существует достаточное количество сил, средств и мобильности для его уничтожения».

– Что, отдолдонил? Теперь объясняй.

И приходилось понимать, что нужно не только скрытно и быстро лазить по горам, валить без промаха, видеть и слышать, но еще и заставить себя думать.

– Я в штабе сижу, от меня оперативная обстановка требуется. А вы мне что несете? Одни заблудились, другие в кашу по собственной инициативе залезли, и вертушки им подавай. Отряд Шарима на них вышел. Мне разведданные нужны, а не пальба по неизвестно кому. Шарим неделю портянки в Паке сушит, мать вашу! Я ничьи жизни воровать не хочу. Война сворует – ей наплевать. Или наплеватели украдут, которые на войне. Учиться будем.

Учились. Рейнджер снял ротного, долго орал с комполка, но улеглось, и на роту назначили маркеловского командира группы, гвардии старшего лейтенанта Круглова. С боевых выводились по две группы на две недели профилактики под командованием разжалованного ротного, по установкам и под надзором Рейнджера, который снова ругался с комполка.

Маркелу досталось поучиться в первой двойке. Проклял все. Снова почувствовал себя вечно грязным и сонным от усталости салагой с подъемом в 04:30, приседаниями – отжиманиями – подтягиваниями, марш – броском на пять километров при вещмешке в двадцать четыре килограмма и АКС, с последующим чтением карт, ориентацией на местности, корректировкой артиллерийско – минометного огня, направлениями ведения военной разведки в зоне. А потом еще и подготовка к разведвыходу, стадии проведения, завершение, меры безопасности, сигналы в группе и их применение и уже огневая, МПД (минно – подрывное дело) – да много чего, и уже восемь километров. Две недели закончились бегом на десять километров все с теми же двадцатью четырьмя с лишним на время и зачетами. Маркел вытя-

¹³ Motto – (англ). Девиз.

¹⁴ Замповор (*жарг*). – заместитель командира полка по вооружению.

нул, тут же и услышал: «Готовь группу. Командиром пойдешь. Выход завтра. Карта, инструктаж в 06:00. И никаких возражений. Свободен».

Опять завертелось. Потом прилетели звезды из бригады. Ор не слышали, но говорили, что Рейнджер улыбнулся на проводах. Потом весенний призыв из гайжунайской учебки через две недели профилактики прогнали. Отсеялась треть. Затем один его пацан дембельнулся. Потом Павлов появился и вскоре еще двое – Сорокин с Зиминым. Маркел ставил группу, а Рейнджер уехал и приехал Наплевать.

Ермаков при рации с прошлой весны. Ровно три месяца и шестнадцать дней. Потому что Андрюшки Панкратова... не стало.

Старлей

Таджикская ССР, 29.07.1982, 02:47

До точки четыреста метров по каменистому берегу. Уже слышно подходящий борт. Подбегает усиленный наряд пограничников со здоровенной овчаркой.

– Сейчас освободим, ребята. Лаптев, быстрее давай.

Умные глаза пса смотрят, как в холодном неживом свете из наблюдательного хода секрета с сорванной (вот же противная!) сеткой вылетают маленькие и большие разукомплектованные единицы. Слышит летящие оттуда непонятные команды, которые подает иногда ефрейтор (если сердится). Двое чужих в странных темных шкурах (у водовоза почти такая же, только в пятнах), с шарами вместо голов, часть единиц рассовывают в шерсть (спешат очень), часть сваливают на безрукавки, потом собирают в охапку и убегают куда – то вниз по берегу. Куревом не пахнет, но какой – то химией несет. Пес скалит клыки – из хода лезет зверь, но шкура такая же, и отдает команды, тянет изнутри стреляющее незнакомое, в каких – то нахлобучках, и знакомое (у ефрейтора такое же), но зачем – то с кусками трубы сверху и снизу. Зверь встает на задние лапы (наверное, один из этих) и тоже убегает. Еще трое бегут. За ними еще. Поприличнее, собранные, но пахнут куревом. Пес настойчиво тычет мордой в ногу своему ефрейтору: засмотрелся.

Эмтэвэшка¹⁵ лупит потоком воздуха по бурлящей воде, выхваченному у ночи конусу света прожектора, девяти присевшим черным фигурам. Мягко касается источенной гальки и грузно проседает на шасси, снизив вой турбин. Черные, плотно сбившись, исчезают в зеве бесстворной рампы. Резь нарастающей высоты гула турбин заставляет землю ослабить хватку и, рассекая, отталкивая невесомый, но вдруг обретший упругость воздух, тянет дюралевую глыбу без бортовых огней, набитую плотью человеческой, сначала натужно, затем с облегченной стремительностью ввысь, к мерцанию звезд.

– Десятка – борт. «Гость» работу начал. Перехожу на резервную частоту. Прием.

Переключив компакфон на резервный канал и подгоняя подвесную систему для десантного троса к габаритам в воющем, продуваемом грузовом отсеке вертолета, забитом тридцатью четырьмя коллегами, суется в свете тусклых синих плафонов, старлей мчался сквозь перегоны и стрелки на предельно допустимой для бронепоезда «Память» скорости, бряцая бронированным металлом у прогоняемых сквозь топку дальнего, ближнего и маневренного заслонов на предложенных грузовыми к отработке трех маршрутах отхода.

В мозгах старлея паровоз «Мысль» шарахнул паром по поршням, покидая запасной путь, в момент мелькнувшего чего – то, разведя этот самый пар еще вчера с сумерками пресловутым подсознательным «а если».

На оперативном совещании основным ставили маршрут подхода грузовых по дну длинного глубокого ущелья, кроившего хребты, постепенно сходя и упираясь в относительно спокойный, беспороговый участок реки – границы. Профиль берегов рваный – камни,

¹⁵ Эмтэвэшка (жарг). – вертолет МИ-8МТВ.

расщелины вплотную к воде. Место от Бога – купайтесь. Но Агашин съел не один пуд соли. Плюс специфика выбранного каждым из них жизненного маршрута, не принимающая, не терпящая строго ограниченных, до секунды расписанных планов, жестоко карающая за шаблон. Не утвержденная Уставом, похороненная стопками приказов, инструкций, наставлений, эта специфика являлась негласным законом пролитой далеко не водицы. Поэтому расчесывали район подхода к границе на отрезке три километра с углублением пять километров до степени маскировки номер раз дымовой завесой в макетной комнате оперотдела штаба погранотряда с большим красным «Не курить!». Казните, не доперли до воздушной переборки, да еще и примитивнейшей. Тьфу!

Наушник треснул голосом дирижера «Гость» майора Коваленко:

– Внимание, борт.

Появляется из пилотской, распахивая ноги и комплекты, чистит проход, пробирается к рампе.

– Внимание. Первый – ближний. Ноль пятые плюс десять бортовых. До выброски четыре минуты. Приготовиться на тридцать метров.

Черная масса внутри отсека прессуется, освобождая десантную площадку для тройки Вахрушева. Бортовые, уже отобранные дирижером, заняли места с краю, готовы.

– Второй – маневренный. Ноль четвертые плюс пять. Сортируйтесь.

Вахрушевцы точны, размеренны и несуетливы. Первые. Признание опыта – этим все сказано. Старлей уткнулся в грязную дюраль палубы – чувствует, о чем его два капитана мыслят. Енерала – и на маневру? Ну дела – а... Он даже и не пытался гадать на кофейной гуще. Все ясно и так. Молодой, да ранний? Осади! Пятерка борта аналогично – нюхать порох, сжигаемый на безопасной дистанции другими.

Рыкнуло, подмигнул желтый – готовность. Бортовые подскочили. В затылок за тройкой. Зеленый сигнал – и длинно зашелся ревун. Тычок выпускающего дирижера в шлем – сферу Вахрушева. В наушнике: «Пшёл!» Тревожная темень за иллюминаторами в напряженности взглядов. Доклад Вахрушева с земли: «Пятые чисто. Готов». Дирижер выпускает следующих: «Пшёл!» Не пристегивая страховку, Коваленко следит выход, наклонившись в пустоту. Крайний бортовой уходит вниз в одиночестве. Борт клонится.

– Маневры. Две минуты. Сорок метров.

Лишнее уже забито под лавку. Питание на приборы: ночные очки, прицелы. Граната из газыря брони в подствольник калаша, патрон в патронник, поставил на предохранитель, повесил автомат на шею. Затворная рама АПС¹⁶ сглатывает патрон, АПС на предохранитель, пистолет за спину. Гранатный клапан застегнут плотно. Клапана нафаршированной брони – плотно. Броню руками вверх, до упора – и отпустил. Села. Пропиленовая оплетка десантного троса на захватах подвесной системы. Щелчок фиксатора. Проверил, дернув. Автомат тормоза на двадцать метров. И бездумно – в темноту, в штатное место желтого сигнала.

У капитанов отскакивает от зубов, доглядывали за командиром. Жаль, что в норме – нечему порадоваться.

Желтый. Левая рука на тормозе фиксатора. Правая за АКС. Ну и длинная же секунда. Зеленый. Пшёл!

Ноги как от огня. Вдох провала свободной двадцатиметровки. Сработка тормоза – с внезапным мгновением тишины.левой ладонью по очкам – захлопнулись на глазах. Снова тормоз, но уже на ручном, рывками. Во взведенную внутри пружину лезет вкрадчиво: «Это маневр, старлей. Четыре – пусто, ваших нет. Охладишься». Зевающие опоры ноги. Валится набок. Ориентация с одновременной расчеховкой подвесной системы. Освободился, предохранитель вниз, отбежал, закрепился. Капитаны? В норме. Доклад: «Четвертая. Готов!»

¹⁶ Автоматический пистолет Стечкина.

Маркел

Маркел уже был уверен. Считал. Не находя выхода, переключался на бег, боясь заикнуться. И снова считал.

Горы. Маркел вырос в горах. Отца перевели в Таджикистан с повышением, на должность начальника областного управления МВД. Работа уважаемая, поэтому уик – энд (да и не только) приходилось проводить на доселе традиционном уровне – охота. На этом уровне Хаким официально работал охотоведом хозяйства, территория которого была безгранична. Где живность – там и охота. Отпрыск, естественно, принимал живое участие.

Как-то раз в конце мая мелкий Сашка, проводивший время бесконечного дастархана¹⁷ охотников в освоении округа с Хакимом, выдал: «Па, тебе здоровых внуков надо?» Виктор Александрович, слегка ошарашенный постановкой вопроса, ответил утвердительно. «Если надо, тогда оставляй меня с Хакой. Внуки будут здоровенные», – заявил Сашка. До конца высиживания в школе оставалась неделя, перспектива стенаний супруги по поводу Черного моря беспокойства не вызывала, а водитель подвезет завтра необходимое: «Если внуков гарантируешь, тогда действуй по своему усмотрению».

За то лето и начало осени недоверчивые к чужакам горы смирились, не смогли устоять перед настырностью маленького Сашки. Не ныл, хоть жара обливала потом, душила на крутизне, – топал и топал впереди Хакима. В очаровании вида, открывающегося с подъемом, замирал, открыв рот. Спуск рождал: «Хака, ну куда ты торопишься? Чего там, внизу, делать?» Азы науки немудрены: шаг на полную ступню, ритм дыхания, не перегрузиться.

А еще он слушал бесконечные и непонятные рассказы Хакима о живых горах, о Боге. Хака говорил и говорил. Санька отвлекался, но слово проникало, покорно ожидая момента быть услышанным. Хаким рассказывал о камне, о его беспощадности и доброте, радостях и горе, привязанностях и нетерпимости. Постепенно и ненавязчиво нить повествования вела к пониманию Бога. Не теперешнего, искаженного тысячелетиями бессердечной алчущей правки, обратившего человека в свое орудие, а восхваляющего во всеуслышание добро и несущего боль и страдания. Пестующего откровенность и тайно лелеющего скрытную хитрость. Святость строки «Не убий» – и здесь же о святости убийства инакомыслящего, заставившего человека погрязнуть в бесконечности войн. Хаким говорил об иной уготованной человеку участи, но вторглась надуманность, обратив лицо человека к сущности человеческой, созданной совершать прегрешения и, не терзаясь содеянным, не позволять греху наполнить душу. Указав на малость прегрешения как на чудовищность греха, зло создало миф о безгрешности. И природа человеческая не восстала – слепо чувствуя виновность, преклонилась. Замкнутый в себе, человек отвернулся от Бога истинного, тончайшая струна понимания не выдержала – оборвалась навсегда.

Маленькое сердце и юные, незаполненные полочки мозга жадно впитывали чистоту увиденного, услышанного и прочувствованного. Разум начал свою неспешную кропотливую работу. Неведомо. Мудрый, нетленно – вечный камень, погруженный в одиночество мысли, ощутил непонятное, новое, микроскопическое рядом с собой, не способное к анализу происходящего, но тягостная мука ожидания блеснула надеждой.

Подошла середина сентября. Ирина Михайловна Маркелова уже была в набат: «Неуч вырастет! Ты что, Витя?!» Камень простился, дожидаясь следующего лета, но череда уик – эндов продолжилась, а с ней и посещения вдруг ставшего крепнуть и вымахивать Саньки.

Поворот уже рядом. В череде метаний, не находя выхода, он звал, просил не за себя и знал: с пацанами, с Хакимом и с ним – *горы*.

Поворот. Подбежав, заставил всех сгрудиться. Планшет.

¹⁷ Дастархан – прием пищи у таджиков.

– Павлов, Зимин, Сорокин. Прямо, потом на закрытую террасу. Застреваете там – и тихо. Вертушка стояла – перекрыли уже. Высадиться могли только вот здесь – провал хребтов и подъем резкий, закрепятся. Вы в ста метрах. Вертуха ушла вправо – страхуются, наш перевал затыкают. Митя, вертуха боится, идет облетом, будет проходить на длинный ход к Паку у вас. Свали ее, Митя. Надо. Она потом всю свору притащит. Ермак, Хаким и я идем к перевалу. Стоп у залома. Павлов, сделаешь или нет, но потом шуму побольше и сразу отходите. До залома. Всем ждать там. ВВ¹⁸, усрухи¹⁹ – мне, и вперед.

Вертушка рушила все. Он отдал ее Митьке, зная о непосильности задачи. До сих пор удивляющий Маркела чумаходной сутью, Митька непосильностью жил: «Невозможно? Тогда истрачу побольше времени. «Не» чтобы отвалилось».

Степашин

Москва, Ясенево, 03.06.1995, 09:30

Терехин не расстроился: «С#4, БМВ, РКПБ, МТБ коммунизма – все без толку». Степашин развел руками: «Руководству видней», и исчез в направлении к Лубянской площади, а именно к ВЦ ФСБ.

Вычислительный центр имел непосредственное отношение к ключам, поскольку заведует его технической библиотекой уважаемый Игорь Моисеевич Карин. Экспертов НТО Степашин игнорировал: «Два дня – и дуля в конверте». Хобби же Игоря Моисеевича наложило неизгладимый отпечаток на его личную и общественную жизнь в плане официально употребляемого внуком именованная дед Ключ, ожесточения с годами упоминаний супруги о психушке, а также подтрунивания детей, живущих отдельно, по поводу превращения жилплощади в склад скобяных изделий. Что, впрочем, ни в коей мере не влияло на безрассудное стремление Игоря Моисеевича к озамочиванию. Как антиквариат, так и последние достижения конструкторов являли собой предмет неприкасаемый. Дверные замки квартиры, соответственно, оставляли желать лучшего, чем и объяснялось недавнее ограбление. Преступники, по всей видимости, были уведомлены: ни один замок бесценной коллекции тронут не был.

Игорь Моисеевич извлек из стола огромное увеличительное стекло и стоваттную лампу для настольного светильника. На белом листе бумаги лежали два небольших ключа, смущенно ожидающих прикосновения беспощадного судьи, потирающего руки, дабы продлить обожаемое мгновение. Удовлетворенное цоканье. Ерзающий на стуле Степашин.

– Ты только посмотри, Сашка. Бороздка уникальна. А что ты скажешь о проточках? Многопрофильные, микронный зазор. Клеймо, номерочек. Вкус. Это шедевр, Сашка.

Ключи отложены. Гигантский носовой платок на лысине, обрамленной редким седым волосом. Пауза восхитительна. Степашин – весь внимание, замер.

– Дуй, Сашка, на Новокузнецкую в «Интерпол». Там тебе на компьютере все сейфовые номерочки и покажут. Шведская фирма «Клаусс». С тебя замок.

Степашин забывает про спасибо, чуть не сбивает с ног очень серьезную личность, выходящую из лифта. Инженерная мысль прочувствовала – бьет копытом сразу. На страже у входа в представительство очень большое, циничное и розовощекое: «Что вы мне показываете, гражданин? Это на каждом углу продается. Вас в списках нет». Степашин проглатывает вертевшееся в изобилии на языке под неожиданный хлопок по плечу.

– Мистер Ступакин, какими судьбами?

Пьер.

Дисплей замер и неторопливо начинает укладывать строки. Ввод номера. Снова замер.

¹⁸ Взрывчатые вещества.

¹⁹ Детонаторный комплект УПДК-2Р (жарг)..

«...Deposit – storage minisafe 1577920–48. Bank Fortus.
Address: 46 Udalkova st. Moscow Russia».
Швеция, mon ami! Швеция!

Сергей

Москва, Ясенево, 03.06.1995 19:12

Терехин закрывает трубку ладонью.

– Евгений Сергеевич, вас Якименков.

В трубке вялая утомленная обреченность.

– Поставлен вопрос о служебном несоответствии. Завтра в 10:00 у меня.

Гудки.

– Вот так... Майор Чеканов весь вышел... Завтра по Гробу. Без спешки. До нового...

Поеду – ка я спать. Да и вам рекомендую.

– Подвезти, Евгений Сергеевич?

– Степашин, не вопросом. Просьбой.

– Не надо, Саша. Доберусь.

Частник угрюм и молчалив, слава Богу. А лето цветет. Спрятав за горизонт извергающий ад диск, жизнь ликует в безмятежно – тихой прелести вечера. Опустошенность и звенящей нотой – давнишнее изречение мудрой матушки: «Боль, Женя, приходит и уходит... Мы остаемся». Этим он жил два года назад.

Сергей встретил Ольгу Анатольевну тридцатилетним. Первая жена, утомленная постоянным отсутствием, погрязнув в претензиях и упреках, не выдержала. Ольга Анатольевна, хотя и была на семь лет моложе, но достоинство употребления отчества в его представлении под сомнение не ставилась никогда. А так, просто: Оля. Помните насчет двух половинок единого целого? Найти практически невозможно. С течением времени дает понять себя разнородность – излом среза одного на чуждую конфигурацию другой. Ольга Анатольевна поражала совпадениями.

Расставались. Он не находил себе места, делая основную часть работы на уровне профи – подкоркой, дающей относительную свободу сознанию. А в нем банальное – постоянное желание видеть, быть рядом. И ожидание встречи.

Безумство страсти? Нет, это ненадолго. Понимание, доброта, искренность. Ольга Анатольевна жила в его сердце, согревала своим теплом пропитанную адреналином мышечную ткань, дарила счастье покоя. И он боялся. Неумолимый омут смерти забирал жизни, был в сантиметре, секунде. Невыносимость мысли причинить ей боль угнетала, стала мешать. Но он не мог вырвать часть себя – свое дело.

Она чувствовала. Смирено просила верить в общую силу их разума, их любви, единением своим способную противостоять воле providения.

Канувшее в забытие сокрытое одиночество душ. Лишь чуткое, нежное соприкосновение двух сердец, в открытости своей нашедших возможность отторгнуть пронизанное злом время...

Следователь областного управления, вымотанный постперестроечно – перекроечным завалом, был искренен.

– Картина представляется так. Подъехала к Киевской трассе от Анкудиново, остановилась. У вас дача там?

– Да.

– Машины пропускала. Поток же сутками идет. Там перед перекрестком ямки. Тряхнуло, с замка зажигания клемма соскочила – двигатель работает, а свет потух. Пять часов, темно уже. Аварийку включить не догадалась. Ну и, наверное, про тормоз забыла – катилась потихоньку назад. Испугалась. Эта сволочь на иномарке сзади подъехала. Ну, и тюкнула

она его немного – на бампере микрочастицы краски. Тот вылез и монтировкой или чем – то похожим по рукам ей. Открытый перелом обеих. Окно с ее стороны было открыто. Знаете, как это у женщин. Выходить побоялась, окно открыла – и руками, как будто защитит... Тот уехал, а она сознание потеряла и в кювет скатилась в сорока метрах от перекрестка. Кювет глубокий. Перевернулась. Туман, потом сразу мороз. Там и машины толком не ездят. С Киевского не видно. Врач девять вечера установил. Нашли только утром.

Он поднял все и вся, на что был способен. Но не воротишь. Горе раздавило.

Сейчас он пытается думать об этом. Снова идиотизм баланса – компенсация. Чем лучше, тем хуже. Будет...

«Мерседес», проводивший служебный автобус до метро и терпеливо ожидавший, пока Сергеич ловил частника, стоит в нескольких метрах сзади. Сергеич не стал переходить Комсомольский, пошел к поющему ларьку – навстречу. Двери – окна со стороны тротуара закрыты. Никто не выходил. Дверь водителя. Взгляд без угрозы, в руке сотовый, другая – снаружи, свободна. Среднего роста... Двери – окна со стороны тротуара... Среднего роста, худощавый, чуть вытянутое лицо. Темные короткие волосы. Лет двадцать восемь – тридцать. Строгий серый костюм.

– Евгений Сергеевич Чеканов?

– Продолжай.

– Здравствуйте. С вами хотят поговорить. Вячеслав Михайлович. Вы были вчера у него на даче.

Аккуратно протягивает мобильный телефон. На лицо противоположность резких движений.

Голос друга Манцева почти не изменен заморскими чипами.

– Здравствуйте, корреспондент Березин. Ваша проблема, полагаю, достойна безотлагательного обсуждения. Будет удобно, если вы подъедете немедленно? Николай в вашем распоряжении. До встречи.

И отбой.

– Коля?

– Да, Евгений Сергеевич.

– Ты подожди минуту, сигарет куплю.

– Хорошо, – стоя, провожает взглядом.

Проблема... Безотлагательного... Что прикажешь делать, Чеканов? Сигареты покупать? Господи, как я устал. И когда-нибудь выплусь, наконец?!

Задняя дверь уже предупредительно открыта. Чавкает замок. Коля разворачивается от бордюра, через две сплошных. Уверенно. ГАИ? Привычно. Дрессура великолепна: свободно откинувшись, голова строго прямо и чуть вверх, «Ностальжи» едва слышно. А Сергеич проваливается в сон, из которого Коля выдергивает через пятьдесят минут, нарочито громко вызывая по радиации охрану. Тот же высокий монолит зелени забора, створки ворот плавно разъезжаются, аллея, пятнистые охранники, угрюмо нависающая анфилада входа. Прислуга учтиво провожает к черной пасти с Вячеславом Михайловичем, но уже в спортивном костюме и улыбке. Имидж – как нательное.

– Добрый вечер, Евгений Сергеевич. Я понимаю ваше удивление, и, судя по внешнему виду, мы заменим традиционный чай крепким кофе. Сразу перейдем к делу. Через две – три недели вы поедете в США перенимать опыт зарубежных коллег. Антитеррористическая программа обмена специалистами. С языком у вас замечательно. Если что подзабыли – вспомните, времени предостаточно. Курите, курите. Мне нравится аромат «Camel». Бросил лет эдак с пятнадцать назад, но, увы, ностальгия себя не изжила. Так вот. Продолжайте выполнять служебные обязанности на высоком профессиональном уровне, как и прежде. Встречаться с вами мы больше не будем. Никаких связников, тайников, звонков и так далее.

Думаю, десяти – двенадцатилетний срок подразумевает собой бесконечность. Вы никому ничем не обязаны. Лишь открываете в моем лице эдакий призрачный образ наблюдателя. Времени на размышления вот только нет – уважаемый президент заждался.хлопот невпроворот. Ну, так как, Евгений Сергеевич? Едем в Штаты? Да, запоматывал. Диктофон ваш чтобы не испортить. Давайте – ка его сюда... Вот. У вас прекрасно развита интуиция – не включили. Благодарю за доверие. А то, знаете ли, по периметру вон той двери пришлось что-то японское приделать. Многие возмущаются: после посещения Вячеслава Михайловича часы можно выбрасывать. Ну а зачем же магнитные покупать, зачем дешевить-то? Я жду, Евгений Сергеевич.

Консерва ты, Чеканов. А кутерьму солидную гражданин развел. Ты что, отказываться собираешься? Он не даст жить, Чеканов, не получив согласия. Почему он не боится планировать? В этом дурдоме год – вечность, а тут – десять – двенадцать. Тебе будет около пятидесяти, а ему далеко за шестьдесят. Давай, давай. В консерву ты еще не играл. Час от часу не легче.

– Да.

– Вот и славно. Николай вас сейчас отвезет домой, а диктофон Мариночка через другую дверь вынесет. Работайте и растите, майор Чеканов. Перспективы огромны.

Зарплата вот только хреновая.

Митька в ста метрах от ближнего заслона

29.07.1982

Терраса встретила широкими трещинами, глыбами, мелочью камней под ногами.

Граната из ранца. Вошла в трубу, мягко щелкнув фиксатором, уютно приготовилась на плече. РПГ теперь для него живое и упрямое в своей непристрелянности существо, с которым надо слиться и думать уже не по – своему – по – эрпэгэшному.

Ну, старик, сделаем, а? Ведь проще простого. Ты же молодец. Блоупайпы, стрелы – это лентяи, вон сколько электроники в них напихано. А ты – работяга.

Тарахтение. Приглушенное, издалека.

Этот чемодан тебя совсем не боится. А ты ему покажешь, на что способен. Кроме тебя некому. Ты – единственный.

В панорамке с включенной подсветкой различим лишь край звездного неба у дальнего склона.

Скоро он тупое рыло свое покажет. А ты его, а? Приложишь?

Маркел заставлял, вбивал в них уважение к машине. Ты ее раб, не она. Куча времени довела тебя, вот ты теперь и называешься царем. Будешь по полной программе у меня стараться, чтобы железка тебя приняла, или деревяшка, или пластмасса – один черт. Ты проникнись ее заботами, стань наравне, даже ниже. Заставь поверить, вооружи ее точностью, сделай себя – и она не откажет.

...За корпус полетишь, и как раз встретитесь. Мягонько тебя выпущу. Ну, ты уж не подкачай.

Глубокий вдох. Напрягает все мышцы, медленно выдыхая. Сердце утихомиривается. Нарастает свист хлыста. Оба глаза жуют край. Показалось рыло. Плавно, с ним вместе ложась в траекторию. Вперед на корпус, отдав левому глазу. Мягко нажимает...

Борт

Пилот переключается на бортовую связь.

– Дирижер, после дальнего мне на покой?

– Нет, Витя. Поедем забирать остальных. Выбросишь на исходную и готовность. Где вякнут – обожмешь огоньком по спине. Если тихо, то до рассвета ждешь, а потом уже

ребята начнут выкуривать, поможешь. С местными проблем не будет, договорились на всякий случай, вот и представился.

– Выдернут из дома! Лети черт знает куда! Еще и всю ночь с вами возись! Чем пограничник – то не угодил?

– По жизни перепуганный.

Коваленко жмет тангенту бортового передатчика, настроенного на частоту компактов.

– Пятые – борт, пятые – борт. До прохода минута. Прием.

– Борт – пятая. Чисто.

В ПНВ (прибор ночного видения) расстилалась резко уходящая вниз зелень с ломаной линией ущелья. Точки почти сливающихся с фоном людей, расположившихся небольшой дугой охвата. Коваленко не осознал, но мозг срабатывает на мощную вспышку тепла в зоне блока.

– Лево, сорок пять, атака!

Молниеносно реагируя, пилот кладет ручку резко вправо, передергивает педали. Секторы газа...

Гидравлика автомата перекоса работает справно, но у воздуха свои законы – власть инерции.

Коваленко видит мазок тепла, вырвавшийся из вспышки. В замедленных кадрах, приближаясь, смазанное прячется за левым бортом. Инстинкт самосохранения Коваленко – безошибочный, выверенный годами у края – выдает команду обреченности ноль, освобождая сердце выпуском парализующей дозы адреналина.

Кумулятивный снап разрывает обшивку фюзеляжа. Бесноватое мгновение плазмы сметает, испепеляя. Поврежденные взрывом лопасти бьют вибрацией выжженное нутро. По круто уходящей вниз кривой оно врезается в камень. Безумство, освобожденное разрушительным ударом из замкнутого пространства баков, окутывается клубами дыма, выбрасывая кровавый день.

Ближний заслон видит. Долесекундное оцепенение взрывается. Способность задавить ужас костлявой – в звериной ненависти. Не сдерживаясь, ослепленный местью человек отдает себя зверю.

Хлопки подствольных гранатометов беспорядочны, но ненависть – гарантия точности.

МИТЬКА,

03:20

Не взорвалось, не горело, но Митька на два хода стрелки впереди. А стрелка чудом не задвинутых командирских часов врать не будет – незачем, смысла нет. Оглушенный, в облаке кислой вони, среди отскоков и ударов летящих от Сороки с Зимой гильз, рыком хищника в западне: «Отход!» Спотыкаясь, падая в темноте, бегом к краю террасы. Безопасность барьера камня. Спрыгивает и падает Зима. Сзади дохнуло взрывом. Сороки нет. Взрывы все чаще. Глухой стук АКС о камни.

Свет фонаря насыщает, зажигает на коротко стриженном мальчишечьем затылке ярко – алое, которое толчками накапливается и стекает, собираясь в непрерывную струю. Падает на шершавую темную поверхность. Удаляясь, поблескивает брызгами, собирается в ложбинах. Переполнив, торит узким ручьем дорогу вглубь, увлекая песок.

Они тянут безвольно свесившиеся руки. Он падает, подхваченный. Мертво падает, пульса нет. Митька оглушенно орет Зиме, сдергивая со спины РД и трубу.

– Возьмешь. И его калаш.

Повесив калаш на шею, взваливает на плечи ставшее вдруг тяжелым, но мягкое, рвущее душу... Мишка...

Вся уйма, скопившаяся на сердце, валит, не сдерживаясь, в голос, благодарная бесконечной череде взрывов. Ночь закисает, содрогается, свистит осколками. Митька размазывает солоноватое тепло на лице, перемешанное со слезами; задыхается под тяжестью, шмыгает носом, становясь на секунды девятнадцатилетним мальчишкой. Но секунды коротки, забытое гаснет в злобе. Снова двуногое без возраста, сторонних мыслей и эмоций, принявшее очередной удар вглубь себя, уже подчиненное инстинкту и рефлексу – простоте ощущения зверя. Удар – один из бесчисленного множества, предписанного растущему генофонду нации серьезными, убеленными сединами, умудренными опытом людьми в строгих костюмах и кителях. Во благо...

Маркел

Маркел проминировал так, чтобы сход гнилого зуба накрыл всю элитную свору. *Этим* придется сгруппироваться перед узкостью и заломом впереди. А дожимать площадь зоны необходимо. Он рассчитывал, что *эти* сразу пойдут на дожим после высадки у перевала – ближе вертухе не снизиться. Тогда со временем был бы небольшой натяг. Но не стали выдвигаться. Ждали. Шум у пробки короткого хода к Паку должен их сдернуть.

Тактика *этих* была немудреной. И для Маркела главное – национальный вопрос: кого понесет на перевал, за которым тьма войск, а о родном Паке уже можно не мечтать? Только русских, да и то – служивых. Но эту возможность *эти* должны были, просто обязаны не учесть, и поэтому у перевала не заслон – страховка. Это одно из двух основных звеньев. Главным же была вертушка. Маркел боялся именно эту, черт с ними, с другими. Чувал ее угрозу, не зная о тех, кто в ней, об их опыте и оснащенности. Просто чувал.

Хаким с Ермаковым остались за заломом. Выбрав монолит лавы, он еле долез и забился в небольшую плавную впадину. Отдаленные, скрытые горами разрывы. Он ждал в мольбе к своему Богу за Митькино умение, впитывая всем телом шорохи ночи.

Сначала прослуживший чуть больше года гвардии младший сержант Маркелов оказался со взводом в Посольстве СССР в Кабуле – сторожей не хватало. Еще было относительно спокойно, без ракетных обстрелов. *Этих* он видел после штурма дворца. Необычная форма, высокие – здоровые, улыбчивые, неспешные, походка легкая, зверино – мягкая. Расспрашивал. Было интересно послушать о войне, люди – то знающие. «Ты, младшой, еще нахлебаешься. До крыши», – смеялись, а в глазах другое. Ни черта он тогда не понимал, но радовала близость гор и новая, наполненная необычным жизнь. А потом был посольский подвал, забитый новенькими цинковыми гробами наизготовку. Вскоре перебросили, и началось до крыши. Отец дергался, вытаскивал, а он – ни в какую. Сам не мог понять. Чудом избежав опасность первой кажущейся опытности, начал потихоньку чувствовать жилу. С трудом, но заставлял страх не доветь, сживался с ним. Рядом были хотя и чужие, но те же горы. Они помогали, по крупице наполняли его силой, вернули веру и понимание, утерянные за годы в Москве. Пора было возвращаться. Но там он был никому не нужен, а здесь – уже необходим и остался ради хотя бы нескольких оторванных от мам и пап паренчиков, встречающих на первых шагах взрослой жизни ее конец, видящих ее сквозь прорезь прицельной планки, познающих паралич страха, рвущую сердце боль и кровь. Он забывал о себе, стараясь дать им свое, буквально вбивая в головы основное, вынуждая доходить до тонкостей самим, через пот и усталость, валяющую с ног, лишь поправляя на пути – не мешая. Навязанная осознанность – блеф, прикажет думать, а нужен рефлекс.

Зашуршало под мягкой подошвой, но он не слышит. Вжимаясь всем телом в камень, он задыхается от жадно пожирающих остатки тепла взглядов. Давление веса тел сокращает мышцы. Острые боли с лезвием мощного зла сердец вдавливающей силой фона непонятного языка мысли...

Сработка двух дистанционных подрывных устройств. Нора сотрясается обвалом адского грохота. Тумблер третьего – сработки нет. Опустошенный, с гулкой болью от удара воздухом, задыхаясь в пыли, тянет дистанционник наружу, давая сигналу свободу на пути.

Два взрыва одновременны – третий и где – то рядом, ударяя под локоть.

СТАРЛЕЙ,

03:47

Далекие разрывы. Компакт не тянет до пятой тройки и пока еще до борта – горы экранируют, а дожимать пора.

– Выдвижение. Четвертые, вперед.

Капитаны молчат, игнорируя. Перебежками уходят вниз. Видна расслабленность, но на грани дозволенного.

– Всем вперед.

Тускнеющая зелень прижавшихся стен каменного коридора изгибается. С расстановочкой работай! Нюх потеряешь! Грязное дно, склоны уступами, постепенно сужаются, заставляя капитанов ждать подхода основной группы. Через сотню метров впереди резкий подъем, взломавший дно вывороченными громадами камня.

– Перегруппировка. К четвер...

Взрыв тишины валит, накрывает лавиной капитанов и передних группы. Старлей в центре, между разрастающихся обвалов. В шлем бьет, он падает в щель между стеной и глыбой. Сознание не оставляет. На ноги. Удар отскочившего камня в спину. Видит выше поднятой пыли и дыма узкую полосу с ярким. Глаз, рука – вмиг. Плевок подствольника лупит зеленью по глазам, и новая сила вбивает его в щель, окончательно ослепляя тьмой.

МАРКЕЛ,

03:49

Он зажал пальцами артерию в подмышке. Лоскутья рукава и мякоти еще держали руку у локтя. Боль, забитая шоком перерубленных нервов, постепенно входила в тело. Невозможно, но он чувствовал ее в оторванной руке. За инъекцией промедола лезть глубоко в эрдэ, жгут – долго, он боялся потерять силы, отпустив артерию, сразу бы запульсировавшую струей. Спихнул вниз все вместе с калашом: «Отстрелялся я...» Тихо звал.

Ночь затаилась, чувствуя далекое, но неумолимо приближающееся.

Сквозь гул в ушах не слышал. Свет фонаря в глаза и совсем рядом Митькин голос:

– Товарищ прапорщик... Мишка...

– Как же ты... – в лютой ненависти на самого себя, не сумевшего. Но боль. Вялость. Время. – Здесь положим. Не уйти нам с ним. У Хакима антидог – не найдут. Потом заберете. Пусть они назад его, в залом и камнями. А ты мне помоги. Видишь... Зараза...

Ермак уже убежал туда – к залому. Митька тянет за ноги, рука волочится по камню, частые капли с культи и торчащие обломки костей не видны в темноте. Митька прыгает, подставляет руки под подошвы Маркела. Не удерживает, пытается подхватить, вместе падают. Охнув, Маркел на доли секунды теряет сознание. Из прокушенной губы кровь, открывает глаза, выдыхает: «Сжег?»

– Да.

– Достань. На дне.

Митька вытряхивает эрдэ к свету лежащего фонаря.

– Суеверный я, Митя. От греха... подальше убрал.

Инъекция. Прерывистое дыхание становится ровным, глубоким, вместе с шальной мутой, ворвавшейся в тело.

Митька тянет поясной ремень. В петлю – на самозатяг.

– Рука?..

– Режь... К нему положи.

Лоскутья. Резко. Отточенным лезвием. Подворачивает обрывки рукава – и на него петлю. Затягивает возле пальцев Маркела. Рвет индпакет. Подушку на кости, разорванное мясо. Туго бинтом. Завязывает, помогает подняться.

– Дай машину. Соберите все и догоняйте.

Идет, не шатаясь, в норму.

Стык глубокой узкой расщелины чистил Ермак. Вдвоем трудно развернуться, но длинная. А Ермак худой. Там немного камней было. Фонарем посветили. Он спрыгнул. Ну, и фонарь ему подали, чтоб светлей. Не видно ж ни черта. Ночь. А Хаким с Зимой под-сумки и эрдэ только с него сняли. Ремень с ножом опять надели. Поправили все. Магазины, железки забрали. Документов же нет – в полку. А их – подсумки – чтоб не мешали и пустые чтоб под голову потом. И в спальник Мишку. Спальники легкие и теплые, американские вроде. Маркел где – то надоставал. Потом подали его Ермаку. Туда, вниз. Он уже коченеть начал. Ну, тверже стал. Ермак принял, внизу уложил хорошо. Под голову подсумки свернутые. Они камни сверху стали подавать, а Ермак его обкладывал... Мишку... Тут Митька прибежал. Вниз туда наклонился. Руку отдал. Ермак камень отложил. И под отворот спальника. Туда. Внутрь. К плечу Мишки. Чтоб вместе вроде им... И камни уже быстрее. Втроем же. Ермак его всего. Хорошо так. Проверил еще. Все вроде в норме. Хорошо. А Хаким уже назад. Ну, с этой, от собак. Потом Ермаку отдал. Тот на камни, чтоб Мишке спокойно, потом забрать чтоб... Ермака за руки вытянули. Собрали, проверили – и бегом Маркела догонять... Все быстро, тихо, молча... Молча.

Ночь ежится. Предчувствием бессилия зажигает яркую немигающую каплю в оборках покрывала, которой уготована участь противостоять юной бесплотности надвигающегося. Еще невидимого.

Митька работал. Времени не было, нужно выходить срочно. Забрал у Хакима антидог.

– Вперед, вперед! Догоню!

Сбросил перед стеной оба эрдэ. Полез наверх, в нору. Фонарем. Крови немного. Растер ладонью. Антидог. Вниз. Стена чистая. Антидог. Забрал все, осветил, проверил. Антидог. Отбежав назад, еще. Вперед, тоже.

И уже круча обвала, волны непроходимого каменного поля. Ближе к левой стене. Шаткая опасность ловушки. Нога в щель – огнем в колено – и конец. Не напрягаться! Легче! Быстрее.

Глухой сдавленный стон откуда – то из глубины. В свете фонаря узкий провал, на самом дне лежит черный. Станный шлем, броня.

– Сейчас, сука!

На колени, прижав фонарь к стволу, сует вглубь. Клопочущий хрип, под шлемом отсвет красноты.

Нажать!.. Свой он... Свой же! Кулак в кровь. Нахлынуло из забытья криком раздавленных слез.

– Ты, сволочь, если... не сдохнешь... Запомни! На всю жизнь! Должник ты теперь, падла!

...Глухой разрыв. Очередь. Разрыв. Еще. Летящее в вершинах слабое эхо. Митька не слышит – он уже за завалом. Ночь рвется вдалеке, на длинном переходе к Паку.

Коротко вспыхнув, луч Митькиного фонаря выхватывает спины четверых, тяжело бегущих в пологий подъем впереди.

* * *

Ермак разбил рацию. Хаким ушел по своим делам. Маркелыч держался в норме, розовый. Не мужик – кремень. Каштаринцев пришлось, правда, поорать от души – сначала ж влечат, а потом разбираться, кто да что. Приняли с радостью, братаны. Рассказывали про бучу у каких – то спец, то ли местных, то ли еще откуда-то. Летюху аж пришлось на трубу подорвать. Тот обматерил, чуть по рации ногой не въехал – и дальше дрыхнуть. А те еще бились, километрах в пятнадцати. Только – только стихать начало. Нашли время духов гонять, чудики. Дня им мало.

Хакимовы разведданные ушли в штаб. Всех кроме него, конечно, представили к муделям. Но ему вроде по хрену. С бабками. Ох, и любит же. А чего? Что есть, что нет – капуста. Маркелыч знает точно, поэтому и не переводятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.